

Лесса Каури

Золушки
в опасности

Сказки Тикрейской земли

Лесса Каури

Золушки в опасности

«Автор»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Каури Л.

Золушки в опасности / Л. Каури — «Автор», 2020 — (Сказки Тикрейской земли)

Книга седьмая Сказок Тикрейской земли. По многочисленным просьбам читателей книга не финальная для серии, но ставящая некую точку в событиях. В Вишенроге принцесса Бруни и принц Аркей с нетерпением ожидают появления первенца, которого планируют назвать Редьярдом, в честь Его Величества. А самому Рэду судьба напоминает о том, что он упустил, служа Ласурии, и напоминает жестоко, заставляя сомневаться в однажды выбранном пути на трон, тем более, что его старший сын все чаще показывает себя в деле истинным правителем. Архимагистр Никорин пытается разгадать две загадки: спасение заколдованной красавицы из другого мира и своего собственного сердца. И если для первой она находит весьма оригинальное решение, то вторая ей никак не поддается, особенно когда рядом оказывается некий красноволосый оборотень. Вителья Таркан ан Денец неожиданно увлекается демонологией, и у нее есть серьезная причина для этого. Между тем, над Вишенрогом сгущаются тучи, не те тучи, что несут первый снег. Все чаще в темноте стремительные тени с горящими глазами видятся поздним прохожим. На окраинах страны гибнут целые кланы, но в городе об этом не узнают до тех пор, покуда Зохан Рысяш Смерть-с-ветки не потеряет свою семью и всю свою прежнюю жизнь. Что-то будет?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Каури Л., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

55

Лесса Каури

Золушки в опасности

Ее Высочество Брунгильда вставала с рассветом и тогда, когда была простой трактирщицей, и теперь, став принцессой Ласурии. Но в последнее время вставать с первыми лучами солнца не получалось – спалось плохо. Болела спина, тянуло в ногах, никак не удавалось улечься поудобнее. Бруни стащила все подушки с дивана в гостиной и при помощи Катарини устроила себе на семейном ложе лежбище, которое Аркей, смеясь, назвал гнездом будущей матери. И все равно неглубокий сон прерывался – «коняшкой», лежащейся в животе, желанием сходить в туалет, выпить воды, съесть что-нибудь сладкое. Ее Высочество за беременность поправилась и теперь напоминала себе Ваниллу рю Дюемнон с ее пышными формами, ставшими после рождения наследника Людвина еще пышнее.

«Кай, это подло, – жаловалась мужу принцесса, – я никогда не была полной, а теперь, посмотри?» И она крутила перед его глазами толстыми пальчиками. «Потерпи немного, родная, мэтр Жужин пообещал, что все пройдет после родов, – успокаивал Аркей. – Или тебя беспокоит вопрос привлекательности для мужа?» И он лукаво улыбался, зная, что сначала она начнет фыркать, до ужаса напоминая ему рассерженную кошку, а потом не выдержит и рассмеется.

Однако в это утро Бруни проснулась рано. Не настолько рано, чтобы застать в постели супруга, но и не так поздно, чтобы едва не опоздать на семейный завтрак, отсутствие на котором Его Величество Редьярд прощал только младшему сыну, и то не всегда.

Живот с «коняшкой», скрытый мягкой тканью ночной рубашки, торжествующе возвышался над одеялом и перекрывал обзор. Бруни вздохнула и спустила ноги с кровати. В голове мелькнуло ставшее привычным за последнее время: «Скорей бы уж!..» и тут же вспомнился мэтр Жужин, который увещевал ее со своей всегда спокойной, чуть ироничной улыбкой: «Не торопите природу, Ваше Высочество, она всегда знает лучше, когда наступит срок родов. Наслаждайтесь покоем, пока можете!»

В спальню заглянула Катарина, увидела, что Бруни проснулась, обернулась, прихватывая со столика поднос с парным молоком. Это молоко давала одна из подружек Железнобока, и оно отличалось особенной густотой и жирностью. Молоко Бруни назначил все тот же вездесущий Жужин, поскольку принцесса жаловалась на изжогу. Теперь она начинала день со стакана молока и заканчивала им. А ей жутко хотелось пива!

– Добрых улыбок и теплых объятий, Ваше Высочество! Как нынче спалось?

Принцесса улыбнулась в ответ – сложно было не улыбнуться, когда улыбалась ее Старшая горничная. Привлекательная девушка тоже ждала ребенка что, в отличие от Бруни, делало Катарину еще более привлекательной.

– На букву «ч», – фыркнула она, – то есть чяжело.

Когда-то так говорил Эдгар Мореход, а теперь эту шутку семейства Рафарин знала и Солей. Подавая принцессе стакан, она твердо сказала:

– Надо потерпеть, Ваше Высочество! Ведь немного осталось.

– О-хо-хо... – вздохнула Бруни и выпила молоко. – Пойду умоюсь, и давай-ка облачать эту коровеллу, то есть меня!

Горничная засмеялась и вышла из спальни.

Вскоре она вернулась с другими служанками, которые принялись одевать Ее Располневшее Высочество в очередное творение мастера Артазеля. Маленький мастер Бруни сочувствовал и платья шил такие, в которых она не выглядела столь внушительной, за что принцесса была ему горячо благодарна. Но в многочисленных скрытых застежках и спрятанном в платье бандаже из эластичных лент, одеваясь одной, впору было заблудиться.

– Украшения... – подсказала Катарина, когда принцесса, стоя у зеркала, критически разглядывая себя.

Бруни тоскливо посмотрела на шкатулку. Стоило откинуть крышку, как она увидела бы перстень с чудовищных размеров рубином, тот самый перстень бабки Редьярда, что король подарил ей, узнав об ожидаемом внуке. Конечно, после того как архимагистр Никорин зачаровала украшение, оно перестало быть просто украшением, но особой симпатии у Бруни так и не вызывало. Принцесса понимала и принимала всю необходимость носить его, однако надеялась, что воспользоваться порталной функцией не придется. Это с Аркеем она с восторгом проваливалась в пустоту портала, а в одиночку... Брр-р, только не это!

Так и не дождавшись ее реакции, Катарина покачала головой, и сама открыла шкатулку. Подарок Аркея – сработанный гномами Синих гор хранилище для драгоценностей было семиэтажным и изображало фрегат, на всех парусах стремящийся к морским горизонтам. Перламутровый флаг на главной мачте от движения ящичков начинал кружиться, будто флюгер, ищущий попутный ветер. А искусно сделанная фигурка капитана на мостике поднимала руку, указывая курс.

– Что наденете сегодня, Ваше Высочество? – поинтересовалась горничная, подавая ей ненавистный перстень. – К домашнему платью в бежевых тонах подойдут белые опалы или желтые топазы. Интересно будет смотреться жемчуг, а изумруды, вполне возможно...

– Я тебя выдам замуж за гнома-ювелира! – пригрозила Бруни.

– О, нет, – в шутовском ужасе воскликнула Катарина, – только не это!

– А что такого? – продолжала принцесса с удовольствием. – Муж будет невысок, зато силен, прижимист, зато состоятелен, немногословен, зато молчать станет со смыслом. Чем нехорош?

Старшая горничная, которая давно находилась с хозяйкой в дружеских отношениях, хохотала в голос. Остальные служанки хихикали.

– Ой, все, – воскликнула Солей, отсмеявшись, – я больше не могу! Уговорили, Ваше Высочество, не надевайте ничего, кроме перстня!

– Я бы и его не надела... – пробормотала Бруни, с трудом заталкивая перстень на палец. – Катарина, после завтрака отнесешь его королевскому ювелиру, пусть увеличит размер.

– Как прикажете, – горничная сделала реверанс и повернулась к дверям, в которых показала статс-дама двора Ее Высочества герцогиня рю Воронн.

– Добрых улыбок и теплых объятий, Ваше Высочество! – пропела та, с удовольствием глядя на принцессу. – Прекрасно выглядите, но вам не хватает румянца, поэтому завтракать, завтракать и завтракать! Идемте!

Зная, что с Фироной не забалуешь, Бруни кротко вздохнула и пошла за герцогиней, мечтая о несбыточном – прильнуть щекой к голой груди мужа и подремать еще пару часиков.

* * *

После завтрака Бруни направилась в мастерскую Артазеля. Маленький гном открыл дверь с блокнотом в одной руке и карандашом в другой, и расцвел улыбкой.

– Как вы вовремя заглянули, Ваше Высочество! – прижимаясь к стене, чтобы пропустить располневшую принцессу, воскликнул он. – У меня есть, что вам продемонстрировать.

– Новые платья? – понимающе улыбнулась Бруни, входя и закрывая за собой дверь. Свита осталась ждать в коридоре, поскольку толпу в своих покоях мастер не выносил.

– Не совсем, – темные глазки Артазеля лукаво посверкивали. – Сейчас я усажу вас в кресло и кое-что покажу.

За проведенное во дворце время принцесса подружилась с Главным королевским портным и этой дружбой дорожила. Артазель оказался одним из первых представителей Двора, под-

державших ее, когда она вышла замуж за принца Аркея. Его деликатные советы были неоценимы, творения – великолепны, воспоминания – полезны, а шутки – остры. Но несмотря на это, он оставался «вещью в себе», закрытой шкатулкой, ключ от которой давно потерялся. И если Двор это устраивало, то Бруни печалило. Как человек, хлебнувший одиночества, она чувствовала, когда другие испытывали подобное. Маленький гном был одинок. Он свyksя со своей жизнью и казался довольным, однако одиночество как тень прилипло к нему, следуя за ним, куда бы он ни пошел. Принцесса была решительно настроена это изменить!

Бруни села в удобное кресло, стоящее рядом с его рабочим столом в примерочной. В нем знатные клиентки ждали, пока мастер внесет последние штрихи в свою шедевр.

– Смотрите! – заговорщически прошептал Артазель и положил перед ней блокнот.

На листе были нарисованы несколько камзолов, щедро украшенных кружевами и лентами. Отчего-то они казались одеждой для игрушек, но у Бруни все равно захватило дух от разнообразия отделки и фасонов.

– Что это, уважаемый мастер? – спросила она.

Гном отмахнулся.

– Потом объясню. Просто ткните пальчиком в те, которые вам приглянулись.

Принцесса удивленно взглянула на него, но послушалась – принялась разглядывать камзолы. Их было пять. Два богатых, в пышных кружевах, с тщательно выписанными пуговицами, украшенными самоцветами. Два изящных, в искусном шитье, которое смотрелось, как произведение искусства. И один – на вид самый простой. Если здесь в чем-то и была роскошь, то в самом крое.

В сердце Бруни что-то отозвалось на этот рисунок, будто на миг она сумела заглянуть туда, куда обычному человеку не дано – в собственное будущее.

– Вот этот, – принцесса указала на последний камзол. – Но я от вас так просто не отстану, мастер Артазель! Для кого эти эскизы? Для моего супруга?

Гном засмеялся.

– Вам ничего не кажется странным в рисунках, Ваше Высочество?

Бруни пригляделась.

– Пропорции?

– Именно! – торжествующе возопил Артазель. – Это наряды для будущего наследника престола.

– Для наследника? – не поняла принцесса.

– Для вашего первенца, моя дорогая! Уверю вас, из пеленок он вырастет быстро – люди так и растут.

– Ох, а я, дурында, не сообразила! – расстроено всплеснула руками Бруни. – Но, почтенный мастер, не рано ли думать об этом? Сначала надо, чтобы Редьярд появился на свет.

– Все-таки Редьярд? – Гном с азартом хлопнул в ладоши. – Клянусь бородой Руфуса, я знал, что рисую эскизы для маленького Рэда! Ах, не стоит бояться эскизов, Ваше Высочество! Я не стану шить, пока вы благополучно не разродитесь от бремени, да и потом подожду, пока дите не подрастет. Но подыскивать ткани, фурнитуру, камни для нарядов маленького принца я начну уже сейчас. Знаете, что процесс выбора доставляет истинное удовольствие настоящему мастеру?

– А ведь знаю! – воскликнула принцесса. – Помню, я всегда мучилась, когда надо было новую посуду для трактира заказывать. Как ни бережешь тарелки и кружки, а бьются, заразы! Когда приходило время, я шла в гильдию Гончаров почтенного мастера Вистуна и делала вид, что гуляю по улицам квартала. А сама только и смотрела в витрины. Гончаров в Вишенроге, чай, не меньше, чем торговцев тканями?

– Не меньше, – согласился гном.

– А к новым тарелкам нужны новые салфетки, ведь так? – улыбаясь, продолжала вспоминать она. – А к новым салфеткам – новые полотенца, а там и до фартуков очередь дойдет!

– Истинная правда, Ваше Высочество, – хмыкнул Артазель, – а еще захочется себе что-нибудь прикупить на День рождения, например, ножницы из Топенкогской стали...

– Топенкогской? – удивилась Бруни. – Где это?

– Это одна из отдаленных шахт в Синих горах, – охотно пояснил мастер. – В Топенкоге добывается сталь особого качества, которая идет на изготовление церемониального оружия для королевской охраны. Будучи заточенной раз, она не тупится. Иногда по особому заказу из нее делают не только топоры, но и кинжалы, и копья, и даже ножи. Но вот ножниц еще не делали никогда! – Артазель засмеялся. – Поэтому я мечтаю о несбыточном!

– Мечты сбываются, я это знаю, – серьезно сказала принцесса. – Вы же мечтали стать портным?

В глазах маленького мастера промелькнула грусть.

– Я раскроил свой первый камзол, едва начав ходить, – вздохнул он и замолчал.

– И что случилось потом? – мягко спросила принцесса.

Гном поднял на нее несчастные глаза:

– Вы уверены, что вам это интересно?

– Уверена, мой милый Артазель, – кивнула Бруни. – Вы – мой друг, я хочу знать о вас больше, что в этом удивительного?

Несколько мгновений гном молча разглядывал ее, будто что-то решал для себя, а затем вдруг улыбнулся:

– Это вы удивительная, Ваше Высочество! Хорошо, если вы желаете знать, я расскажу, хотя до этого дня никому никогда не рассказывал. Родители мечтали видеть меня механиком, ведь я с раннего детства великолепно чертил и делал эскизы с особенным вниманием к деталям. Откажись я идти в механики, стал бы сталелитейщиком, как отец. Но меня не привлекали ни механизмы, ни руда. Я терял голову от тканей и только от них! Меня знали все продавцы тканей и мастера-портные Аркандитируги и... все говорили мне, что прежде, чем стать портным мне нужна настоящая специальность. Да, они были правы – в Синих горах не бывает по-другому. Но дожив до совершеннолетия, я совершенно точно знал, что не желаю иметь ни одну из профессий уважающих себя мастеров. Однако быть портным среди гномов скучное занятие. Наши костюмы почти не изменились за прошедшие века, ведь гномы слишком традиционны. То ли дело человеческая мода? Несмотря на то, что я уже неплохо шил, меня объявили бездельником и изгнали из общины на поверхность.

Последнюю фразу Артазель произнес отстраненно, без обиды. Так, словно все давно перегорело, а угли былой обиды покрылись золой, щедро просыпанной временем.

– То есть как – изгнали? – опешила Бруни.

– Вот так, – пожал плечами мастер. – Раз к совершеннолетию я не получил специальность, значит, я – нахлебник, живущий за счет общества, а общество таких не терпит. Мне вручили выходное пособие и документы, и отправили на все четыре стороны, разрешив вернуться в Синие горы только, если я получу настоящую профессию где-то в другом месте. В день своего рождения, третий день четвертой седмицы второго осеннего месяца, я впервые оказался в Драгобужском наземье, на телеге, направляющейся в Грапатук. От выходного пособия осталось несколько монет, потому что на остальное я купил хороший швейный набор. Только он, собственные руки и восторг в сердце – вот и все, что у меня было, когда я покидал Аркандитиругу. Я прожил в Грапатуке ровно столько, чтобы накопить на дорогу до центра Тикрейской моды – Вишенрога, где устроился подмастерьем к человеческому портному. Гномы-портные меня не брали, поскольку у меня не было профессии уважающего себя мастера. Моя первая мастерская открылась пять лет спустя в крохотной каморке, в одной из развалюх Сакрального квартала. Затем я переехал в квартал Белокостных. А затем гильдия Портных Вишенрога при-

няла меня в свои ряды. Гномы – члены Гильдии пытались протестовать, но у них ничего не вышло. Так, потихоньку, от клиента к клиенту, я добирался до королевского дворца. Так что, да, вы правы Ваше Высочество – мечты сбываются! Вопрос только в цене, которую за это приходится платить.

– Вы скучаете по Синим горам? – понимающе кивнула принцесса. – Хотите вернуться?

– Не вернуться, нет, – качнул головой Артазель, – побывать там! Посетить могилу родителей, которые умерли, думая, что их сын – никчемный бездельник. Рассказать им...

Голос маленького мастера прервался. Гном уставился в блокнот, выводя завитушки в углу листка.

Принцесса тронула карандаш, заставив его прекратить бесцельное движение, и тихо заговорила:

– Вы – лучший портной из всех, что я знала! Я понимаю, как вам не хватает признания своим народом, но, поверьте, мы, ласурцы, уже давно считаем вас в портновском искусстве самым уважаемым из уважающих себя мастеров! И хусним! – неожиданно для себя самой закончила она.

Гном колебался лишь мгновение, затем накрыл ее руку своей.

– Ну, раз Ласурская принцесса говорит – хусним, значит, хусним! – дрогнувшим голосом произнес он. – Я рад, что вы слышали... мой рассказ.

– Я тоже рада, – эхом отозвалась Бруни и перевернула страницу блокнота, открыв чистую. – А теперь нарисуйте мне платье, мой дорогой мастер, для статной дамы в летах, которая впервые собирается замуж!

Гном изумленно взглянул на нее.

– Кто это? Я ее знаю?

– Думаю да, раньше она часто навещала вас по указанию Ее Светлости рю Филонель.

– Туссиана Сузон? И за кого же эта дама собралась замуж?

– А вот это самое интересное, – фыркнула принцесса, – за моего обожаемого дядюшку Пипа!

* * *

Рю Вилль старался скрыть удивление, но судя по ухмылке Бруттобрута, который шел впереди, держа зажженный фонарь, герцогу это плохо удавалось.

Если Ники частенько, хотя и без особого удовольствия, бывала в его «подземельях» – застенках Тайной канцелярии, то сам Троян в подвале Золотой башни оказался впервые. Стыдно признаться, он даже не подозревал, что здесь есть подвал!

– Еще немного, Ваша Светлость, – подбодрил секретарь архимагистра. – Осторожно, скользко! Здесь никто не ходит.

– А Ее Могущество? – вырвалось у рю Вилля.

– Она тоже не ходит, – хмыкнул гном.

Осклизлые ступени привели к массивной, позеленевшей от времени двери. Брут снял с пояса уважающего себя мастера связку ключей, выбрал один и вставил в замочную скважину. Дверь открылась, глазам герцога предстала круглая комната, которую заливал мягкий рассеянный свет, делая хорошо видимыми непонятные знаки, испещрившие стены, и многочисленные пентаграммы на полу. В середине одной из них стояла кровать, застеленная белоснежным бельем, на которой кто-то лежал.

Стоящая у кровати Никорин оглянулась на звук. Бруттобрут молча поклонился, вышел и... запер за собой дверь.

Троян сглотнул, вспомнил пару заковыристых морских ругательств и подошел к Ласурскому архимагистру.

– Ради всего святого, Ники, что это за место? Меня от него жуть берет!

– И правильно берет, Трой, – Никорин заботливо поправила одеяло на лежащей в кровати девушке. – Это моя гостиная для особых гостей. Мебели тут вообще-то не должно быть, однако для этой несчастной пришлось поставить кровать.

Рю Вилль взглянул на девушку. Она была красива и когда-то, наверняка, отличалась хорошим цветом лица и крепкой фигурой. Но не сейчас. Сейчас перед ним лежала тень человека. Лишь тонкие веки подрагивали, будто отделяли ее реальность от ее же небытия. Герцог поспешно отвел глаза и снова посмотрел на Ники.

– Кто она?

– Арина рю Сорс.

– Пресвятые тапочки! Она до сих пор не пришла в себя?

– Увы...

– И что ты собираешься делать с ней?

Никорин вздохнула.

– Пока только наблюдать.

– Она, что же, сошла с ума, не перенесла того, что с ней произошло в замке рю Сорсов?

– Хуже – она не только потеряла разум, но и душа угасает с каждым днем. Самым милосердным было бы убить ее... – Ники искоса взглянула на побледневшего рю Вилля и добавила: – Прости меня за цинизм, Трой, но она, скорее всего, не вернется. Или... – Она замолчала.

Рю Вилль подумал, что его «застенки Тайной канцелярии» с пыточными, палачами и дознавателями на порядок милее этой простой с виду комнаты, от одного глотка воздуха в которой веет невыносимой жутью. Но не в его правилах было страшиться неизведанного, поэтому он спросил:

– Или? Давай, Ники, договаривай!

– Или вернется не она, – задумчиво довершила архимагистр и снова поправила на девушке одеяло. – Если бы Арина просто сошла с ума, я определила бы ее в частную клинику для умалишенных... Хорошую клинику, ведь денег у бедняжки теперь куры не клюют – хватит на отличный уход до самой смерти. Но я не уверена...

– Бедное дитя, – пробормотал рю Вилль. – А нельзя вернуть ей хотя бы душу?

– Душа... – Ники покрутила в воздухе тонкими пальцами. – Душа так же неуловима, как твои бешеные оборотни.

Рю Вилль поморщился.

– Кракена тебе в печень, Ники!

Архимагистр сочувственно взглянула на него.

– Все так плохо? Мои маги не помогли?

– Увы, нет. Бешенство – болезнь, а не наведенный морок, маги не могут распознать ее.

– А сами оборотни? Неужели они не чувствуют зараженных?

– Кто их знает, – пожал плечами герцог. – Они не мешают мне ловить чужаков, но и не помогают, видимо, надеются разобраться сами. Честно говоря, такое отношение меня удивляет!

– Да ладно? – Никорин иронично изогнула бровь. – Среди оборотней, активно поддерживающих объединительную политику Аркея, большинство тех, чьи кланы уничтожены или сильно пострадали. Эти прекрасно понимают, что с людьми надо сотрудничать, а не воевать, потому что, хоть оборотни сильнее и быстрее, но людей больше, и они отличаются методичностью, особенно в том, что касается уничтожения других видов. А кланы, живущие вокруг столицы, на протяжении многих лет сохраняли с людьми нейтралитет – вы не лезете в нашу жизнь, а мы не трогаем вас. Нейтралитет, Трой, это не сотрудничество!

– Ники-Ники, – вздохнул рю Вилль и по привычке качнул пальцем серьгу с радужником, – конечно, ты права. И это меня совсем не радует.

– Меня тоже, но нам придется работать с тем, что есть. Хотим мы того или нет, события будут развиваться, как им предназначено. Мы можем изменить лишь самую малость, и, – спасибо Пресветлой! – с этим успешно справляемся!

– Ты о «призраках»? – уточнил Троян. – Насколько я помню, они так ничего и не нашли в Синих горах.

– В горах не нашли, – лукаво улыбнулась архимагистр, – зато нашли в Крей-Лималле. Минус две общетикрейские угрозы, Твоя Светлость, минус две!

– В Лималле? – вытаращил глаза герцог. – Но как они там оказались?

– Это неважно, – отмахнулась Ники, – они уже вернулись в Грапатук, так что жди скорых вестей от графа рю Воронна.

– Если сделка с гномами выгорит, – кивнул рю Вилль, – то событиям, что «будут развиваться, как предназначено», несдобровать! Или я не начальник Тайной канцелярии!

Никорин промолчала. Лишь снова поправила одеяло на несчастной Арине рю Сорс.

* * *

День прошел в хлопотах и заботах, но Ее Высочество Брунгильда чувствовала удовлетворение от проделанной работы, несмотря на то что все больше напоминала себе грацией Железнобока.

После того, как ситуация с приютами для человеческих сирот была взята под контроль принцессы, Бруни довольно жестко «причесала» и приходские школы. А теперь ее захватила мысль о совместных приютах. Нет, она не собиралась быть первооткрывателем, ведь идея принадлежала Лихаю Торхашу Красное Лихо, убедившему принца Аркея и Его Величество Редьярда создать Черный факультет для оборотней в Ласурском военном университете. Однако она была твердо уверена, что привычка сотрудничать друг с другом должна прививаться гораздо раньше студенческого возраста. Поэтому здание для первого совместного приюта детей-сирот искали тщательнее обычного. Очень помог в нелегком деле выбора глава гильдии Каменщиков Томазо Пелеван. Оживление, которое молодая королевская чета привносила в Вишенрог, ему нравилось, как нравились и государственные заказы, позволяющие ему и его парням отлично зарабатывать. Именно Томазо посоветовал обратить внимание на старое, но еще крепкое здание у Северных ворот, принадлежавшее почтовому ведомству. На первом этаже располагались конюшни, на втором – присутственные комнаты, которые без особых усилий можно было превратить и в жилые покои, и в классы. После того, как Бруни его выкупила, здание получило негласное название «Приют Почтарей», а Томазо Пелеван – заказ на его капитальный ремонт и переоборудование.

Принц Аркей идею совместного приюта одобрил, но настоял на том, что заведение должно стать аналогом военной школы. «Только дисциплина и общая идея защиты Родины смогут сдерживать порывы оборотней и людей продемонстрировать превосходство друг над другом, – сказал он супруге. – Война с Креем, как это ни печально, впервые показала нам и оборотням, что можно не враждовать, а защищать сообща то, что тебе дорого. А на войне без дисциплины нельзя!» Принцесса подумала и согласилась. Но Бруни не была бы Бруни, если бы не выторговала условие при достижении выпускниками приюта определенного возраста самим выбирать, чем заняться в дальнейшем – идти на военную службу или проходить обучение в гильдиях. «Кай, ты прав, дисциплина в этой жизни никому не помешает, – ответила она мужу, – однако нельзя думать только о войне, нужно помнить и о мирном времени!»

Бруни навещала стройку каждый день, лично следила за оборудованием классов и тренировочных залов, занявших место прежних конюшен. Первоначальный штат учителей уже

был набран: часть из находившейся рядом приходской школы Храма Блаженного Мартина-С-Гусями, а другая – из преподавателей младших групп Военного университета. Планировалось начать принимать первых обитателей зимой, то есть в такое время, когда бродяжкам, будь то человеческий ребенок или дитя оборотнического клана, приходилось особенно тяжело.

Этим вечером принцесса ужинала одна, точнее, не ужинала, а пила молоко. Ждала мужа, но он прислал адъютанта сообщить, что задерживается. Бруни только кротко вздохнула – знала же, на что шла, выходя замуж за второго человека в государстве!

Полулежа на любимом диване в гостиной, она прислушивалась к разговору Лисса и Катарина, доносящемуся из-за двери. В последнее время в голосе горничной перестали звучать враждебные нотки по отношению к адъютанту Его Высочества. То ли она, приняв случившееся с ней, успокоилась и перестала видеть во всех окружающих мужчинах подлецов и предателей, то ли Кройсон начал воплощать в жизнь советы, полученные от Бруни, и воплощать успешно.

Голоса смолкли. Дверь приоткрылась, и в проем заглянула Катарина.

– Ваше Высочество, хотите лесной земляники?

– Откуда? – удивилась принцесса.

Горничная на мгновение потупилась.

– Лисс принес. Говорит, будущим мамам полезно.

– Правильно говорит, – улыбнулась Бруни. – Спасибо, Катарина, но я не хочу. У меня вообще аппетита нет, даже молоко не лезет.

– Сбежать к мэтру Жужину? – с готовностью предложила горничная.

– Не надо! – испугалась принцесса. – А то он пропишет мне для аппетита каких-нибудь толченых лягушек! – И добавила безо всякого перехода: – Лисс – хороший парень, правда? Веселый, заботливый. Отличное сочетание для женщины!

– Хороший... – ответила Катарина так тихо, что Бруни внимательно взглянула на нее, а затем похлопала ладонью по дивану.

– Иди сюда, присядь и расскажи мне, что тебя тревожит?

Горничная подошла и опустилась на край дивана, сложив руки на коленях.

Принцесса молча пила молоко.

– Ваше Высочество, вы правы, – вздохнув, заговорила Катарина. – Лисс – хороший. Но ведь он моложе меня, ветер в голове...

– Стоп! – Бруни отставила стакан на столик рядом с диваном. – Ты определись сначала, что именно тебя смущает – то, что он моложе тебя или ветер в его голове? Если ты, наконец, решила дать ему надежду, так какая разница, насколько он моложе, коли вам будет хорошо вместе? Если нет – какая тебе разница, что у него в голове?

Щеки горничной заалели.

– Он так мил... За мной ни один парень так не ухаживал! Но я ведь теперь не только о себе должна думать, но и о ребенке! – Она машинально положила руку на живот, который из-за пышного платья и кружевного передника совсем не был заметен. – А Лисс сам почти мальчишка, ему мамка нужна!

– Он ухаживает за тобой как мальчишка? – уточнила Бруни, зная, что не получит положительного ответа.

«Лисенок» Лисс Кройсон, потерявший родителей в ходе Крейской войны, не сломался, не пропал и не погиб, наравне с другими сражался в полку принца Аркея и получил почетное звание его адъютанта, что говорило о многом.

Катарина покачала головой.

– Нет, он очень серьезен и обстоятелен. Но иногда начинает дурачиться, и тогда мне хочется дурачиться вместе с ним!

Бруни не выдержала, засмеялась.

– Катарина, ну какая ты забавная! Изю всех сил сопротивляешься парню, с которым тебе хочется улыбаться – разве это дело?

– А вдруг, когда я рожу, он потеряет ко мне интерес?

Принцесса наморщила нос. Ей хотелось воскликнуть «была бы ты ему неинтересна в твоём положении, он бы вообще в твою сторону не взглянул», но она сказала другое:

– А ты не торопись с решением, подожди до рождения ребенка. Когда он появится, сразу станет ясно, чего на самом деле хочет Лисс.

– Мне с ним не встречаться? – расстроено спросила горничная.

– Почему же? – удивилась Бруни. – Встречайся, смейся, дурачься... Положительные эмоции, как говорит мэтр Жужин, бесконечно полезны молодым мамам. Просто не торопись...

Катарина взяла стакан со столика и поднялась.

– Спасибо за совет, Ваше Высочество, мне нужно крепко подумать над нашим разговором!

– У тебя куча времени впереди, – Бруни, кряхтя, подала ей руку, – а сейчас помоги мне встать и добраться до кровати. Мне кажется, скоро ты будешь меня перекачивать, как ядро от катапульты.

– Ядро от катапульты – это Клозильда Вистун, – хихикнула горничная, – или ваша подруга, почтенная матрона рю Дюемнон. А вы так – ядрышко!

* * *

Как ни хотел Его Подгорное Величество Ахфельшпроттен отпустить неожиданных гостей – пришлось. «Призраки» вернулись в Грапатук, после чего Яго и Дикрай отбыли в неизвестном для остальных направлении.

Сделка состоялась в самой глубине Драгобужской чащобы при личном присутствии Ласурского архимагистра. Никорин держалась позади рю Воронна и Денеша. Однако несмотря на то, что Ники не произносила ни слова, а ее лицо скрывал низко опущенный капюшон, сразу чувствовалось, что она – могущественная волшебница. Пришедшие на встречу гномы поглядывали на нее с опаской и знакомиться не стремились. Их было трое – все невысокие, коряжистые, черноволосые, словно братья. Имен они не назвали, представившись просто Первым, Вторым и Третьим. И если Первый был тем, кто вел переговоры, Второй внимательно следил за происходящим и явно владел магией, то Третий казался третьим лишним. Он не слушал, о чем заговорили после положенных поклонов и реверансов Яго и Первый, рассеянно смотрел по сторонам, улыбался лучам солнца, пробивавшимся сквозь лесной полог, и пению птиц.

– Я могу увидеть товар до сделки? – поинтересовался рю Воронн. – Желательно, в действии.

– Вы его увидите, уважаемый, когда мы получим гарантии того, что граница для наших караванов с радужниками стала прозрачной, как вы и обещаете, – ухмыльнулся в бороду Первый.

– Я – ваша гарантия, – спокойно ответил Ягорай, и Денеш взглянул на него с изумлением. Рю Воронн достал из-за пазухи конверт и протянул Первому.

– Здесь купчая на приграничные земли, оформленная на мое имя. Естественно, власти взяли с меня обещание смотреть в оба, но ради ваших караванов я закрою один глаз.

Первый вытащил бумаги из конверта, просмотрел и протянул Второму. Тот провел над ними ладонью, проверяя, не морок ли, кивнул.

– Прошу меня простить, уважаемый Ягорай, но коли вы не сдержите слова? – поинтересовался Первый. – Что нам делать тогда?

– Убить меня, – пожал плечами Яго. – В договоре указано настоящее имя, вам не составит труда найти меня в Вишенроге.

Первый молча листал страницы договора.

– Подходит, – вдруг проворчал Третий.

Архимагистр переступила с ноги на ногу.

Первый отдал документы рю Воронну и свистнул. Из зарослей показались четверо дюжих гномов, которые тащили носилки со сложенными на них ящиками.

Дикрай с любопытством разглядывал ящики, а Яго, встретившись взглядом с темными живыми глазами Третьего, наконец, понял, кто у гномов главный.

– Откройте! – приказал Первый, когда носилки оказались на земле.

Малопушки поблескивали воронеными боками, словно рыбы с необычной чешуей.

– Выбирайте для проверки две любые из каждого ящика, – предложил Первый. – Но, предупреждаю, это будет громко!

Яго шагнул к ящикам, однако его остановило легкое касание тонких женских пальцев. Рю Воронн продолжил движение лишь после того, как архимагистр, проверив отсутствие наложенных на ящики заклинаний, отпустила его локоть.

Вдвоем с Дикраем они выбрали восемь малопушек и выложили на траву. Повинуясь знаку Первого, гномы-носильщики подняли четыре из них, выстроились в шеренгу и направили оружие в сторону от переговорщиков.

– Атовсь! – приказал Первый. – Лу-у-пи!

Раздался грохот, поднявший в небо тучу птиц. Из дул малопушек пахнул синий вонючий дым, а из стволов деревьев, растущих на окраине поляны, разлетелись щепы.

– Арристо! – потрясенно прошептал Дикрай.

– Желаете попробовать? – Первый протянул малопушку из тех, что оставались на траве.

– Дайте мне! – впервые подала голос Никорин.

Вышла вперед, забрала из рук ошеломленного гнома оружие.

Третий неожиданно встал рядом и негромко произнес:

– Не стоит целиться в живых существ, уважаемая волшебница. Это смертоносная магия!

– Это смертоносная аркаешева механика, уважаемый мастер, – с легким поклоном ответила Ники, – но вы правы. Куда мне лупить?

В глазах гнома зажглись лукавые огоньки.

– В птичку? – предложил он.

Архимагистр с мгновение подумала, затем сунула малопушку ему в руки и направилась к краю поляны.

– Куда это она? – шепотом спросил Дикрай.

Рю Воронн пожал плечами. Чуть сощурившись, он провожал ее взглядом до тех пор, пока она не остановилась и не повернулась.

– Давайте, – крикнула волшебница, – лупите!

– Она с ума сошла? – возмущенно спросил Первый у Второго.

Тот пожал плечами, но на всякий случай отошел в сторону.

А Третий молча вышел на линию огня и поднял руку.

Яго сделал было движение в его сторону, однако холодок коснулся его уха, и он услышал голос архимагистра прямо в сознании: «Не мешайте мне развлекаться, граф!»

– Аа-а-атовсь! – ни к кому конкретно не обращаясь, произнес Третий. – Лу-у-упи!

И нажал на курок.

Прозвучал оглушительный выстрел.

Ягорай на Третьего больше не смотрел – не отводил глаз от Ники, поэтому успел заметить легкое марево, на мгновение ее окутавшее.

– И действительно, не магия! – весело сказала Никорин, возвращаясь. – Аркаешева механика.

– Так берете? – сипло спросил Первый – сцена заставила его понервничать.

Яго взглянул на архимагистра, она едва заметно кивнула.

– Берем, пакуйте! – приказал он.

Гномы споро вернули оружие в ящики, заколотили крышки и скрылись в лесной чаще.

Третий шел последним. Яго видел, как он оглянулся и слегка поклонился Ники. Архимагистр ответила тем же.

– Кто он? – спросил рю Воронн, когда гномы скрылись.

Никорин скинула капюшон и уставилась на Яго своими невозможными ледяными глазами.

– Один из бонз гномьей квартиры. Полагаю, граф, вы знаете это лучше меня.

Ягорай сделал вид, что не заметил насмешки, прозвучавшей в ее голосе.

– Каковы наши дальнейшие действия?

Никорин делала пассы, и воздух потек, повинаясь ее движениям. Носилки шевельнулись и поплыли в открывшийся портал, в прорехе которого виднелась какая-то комната.

– Возвращайтесь в Грапатук и действуйте по плану, – обернувшись перед тем, как шагнуть в портал, приказала архимагистр, – если вам понадобятся новые свитки или что-то еще – запасетесь у нашего эмиссара в городе.

Портал закрылся.

– Неукротимая... – пробормотал Дикрай. – Таких раньше сжигали на костре.

– Огонь ее испугается, – скупно улыбнулся Ягорай и потянул из сумки порталный свиток. – Да и смерть, похоже, тоже...

* * *

Воспользовавшись отсутствием Ягорая и вынужденным бездельем, Вителья решила попробовать снять заклятье с Марьи-лягушки, чему очень обрадовался Альперт. Маг был уверен, что заколдованная девушка страдает, и полон решимости положить этому конец.

Памятуя о том, что заклятье «сложносочиненное», Вита, Альперт и верный Дробуш целый день провели в библиотеке Грапатукского магического университета, изучая все, что можно было найти по этому поводу. Чтобы освободить несчастную от плена лягушачьего тела, требовалось максимально осторожно выцепить из общего плетения и уничтожить фрагмент одержимости – ту самую часть магии, что относилась к малознакомой Вителье демонологии.

Риск неудачи был высок. Волшебница хотела бы, что Альперт понимал это. Когда поздно вечером они вышли из библиотеки, ощущая себя так, словно готовились к сложным экзаменам – от прочитанного в головах царил полный хаос, – она сказала магу:

– Если не получится, придется обратиться за помощью к Ее Могуществу.

Попус дернул плечом и сердито посмотрел на Виту.

– Я все понимаю, не маленький! Вот только Ее Могущество вполне может решить, что существо из другого мира способно представлять опасность для этого. И тогда Марье несдобровать!

– Ну пока она ничего ей не сделала, хотя и слышала от Виты о том, что с нами произошло в другом мире, – заметил Дробуш, топавший сзади.

– Кто знает, что в голове у самой могущественной волшебницы Тикрея? – вздохнул Альперт. – Однажды, когда я еще учился на первом курсе университета, она провела мастер-класс по демонологии для старшекурсников. Я тайно пробрался в тренировочный зал и все видел. Архимагистр вызвала демона, а потом хладнокровно и методично уничтожила его на глазах у присутствующих. Вита, поверь мне, эта женщина не ведает жалости, поэтому я именно тебя прошу попробовать.

Вителья хотела бы возразить насчет Никорин, но... промолчала. Несмотря на то, что за прошедшее время она довольно близко узнала Ники, в словах Попуса была доля истины.

Архимагистр всегда действовала на основании своих, только ей понятных принципов. И очень часто ее поступки заставляли сомневаться в адекватности и тем более милосердии.

Для снятия заклятия выбрали место за городом, на берегу озера, в котором лягушка почувствовала себя вольготно. Пока она, довольно квакая, наматывала круги по воде, а потом нежилась под лучами утреннего солнца на листе кувшинки, Вита и Альперт снова и снова перебирали возможные варианты исхода мероприятия, стараясь предусмотреть все. Зрители – рубаки, Грой и Тариша, – терпеливо сидели на берегу, разложив между собой на походной скатерти обильные съестные запасы, поскольку Вита предупредила, что процедура может затянуться до вечера.

– Аль, можем ли мы делать это без согласия Марьи? – спросила она у мага, когда приготовления были закончены.

– Так давай спросим? – пожал плечами тот, и к удивлению волшебницы, повернулся к лягушке. – Уважаемая Марья Маревна, мы хотим попробовать снять с тебя заклятие, наложенное мачехой. Ты согласна?

Лягушка посмотрела на него своими голубыми глазищами и... зажмурилась.

– Она говорит – да! – обрадовался Альперт.

– Ты уверен? – с сомнением спросила Торусилья, а Тариша хмыкнула.

– Пусть это будет да, уважаемая рубака! – улыбнулся Грой. – У нее все равно выхода нет – или снять заклятие или остаться в болоте навсегда.

– Ква! – утвердительно произнесла лягушка.

– Она все понимает! – Альперт с нежностью смотрел на земноводное.

– Хорошо иметь друзей! – констатировал Дробуш.

Вита молча погладила его по плечу и пошла к берегу. Маг поспешил за ней.

– Я на всякий случай накрою вас щитом, – обернулась к остальным волшебница. – Сидите смирно и не пытайтесь выбраться, хорошо?

– Не беспокойся, уважаемая Вита, пока все не съедим, с места не поднимемся, – пообещала Руфусилья.

Вителья привычно поклонилась ей и снова повернулась к лягушке. Та с интересом следила за жуками-плавунцами, бегающими по поверхности воды. Интерес явно был гастрономическим.

Плетение возникло само собой, хотя Вита так и не перешла на внутреннее зрение. Оно выглядело более ярким и плотным, его диаметр увеличился, и новые отростки энергетических нитей пульсировали, опутывая лягушачье тело.

– Ты тоже это видишь? – прошептал Альперт.

Он стоял рядом с волшебницей, закрыв глаза для лучшего сосредоточения.

Вителья молча разглядывала заклятие, все более напомиравшее ей сияющую клетку. В какой-то момент она ясно увидела внутри девушку – невысокую, хрупкую, белокурую. Со смешным носом-кнопкой и ямочками на щеках. И с васильковыми глазами. Призрачный образ поплыл, как туманы над водой осенним утром, и исчез.

Волшебница решительно стиснула зубы и протянула к «клетке» руки.

Дополнительная нить, усеянная шипами и оттого похожая на стебель розы, казалась закольцованной, однако Вита знала, что это не так. Где-то она должна была начинаться, и вот с этого места ее следовало осторожно выпутывать и развеивать. Однако, как волшебница ни смотрела, как ни искала, начало нити не находилось.

Солнце уже стояло в зените, когда Вителья, прикрыв от утомления веки, попросила мага:

– Аль, поищи ты. Я не вижу!

– Я тоже не вижу, поэтому давай попробуем по-другому, – предложил он, – ищем место слияния с основным заклинанием и оттуда двигаемся вдоль нити в разных направлениях. Где-то мы обязательно наткнемся на первоначальную точку.

– Отличная мысль! – пробормотала волшебница, жалея, что не она это придумала.
– Спасибо, – серьезно кивнул Альперт.

Однако нить не находилась. Казалось, проклятый фрагмент заклинания одержимости присутствовал в полотне заклинания всегда!

– Аркаеш ее побери! – Вителья топнула ногой. – Не может такого быть! Мы ее просто не видим! А не видим потому...

Она замолчала. Иногда для наведения заклятья одного свитка было мало.

– Аль, что ты знаешь о привязках к объекту? – спросила она.

Обращалась к магу, но на самом деле спрашивала себя – вслух было удобнее правильно формировать мысли.

– Они бывают нематериальные и материальные. Нематериальные – сны, галлюцинации, устойчивые образы, воспоминания. Материальные...

Он тоже замолчал и широко раскрытыми глазами взглянул на волшебницу.

– Думаешь, заклятие на крови?

– Будь оно на частичке кожи или волос, мы бы уже нашли нить, – кивнула Вита, – а раз не находим, значит, она идет...

– ...Из сердца! – воскликнул Альперт. – Ох, как нехорошо! Нет, просто ужасно!

– Я все-таки попробую, – облизав сухие от волнения губы, сказала волшебница, – но если Марье станет хуже – сразу прекращу, договорились?

– Договорились, – сипло ответил маг. – Я все равно благодарен тебе, помни об этом. Даже если ничего не получится...

– Вот не каркал бы! – проворчала Тори, и Альперт замолк.

Вита снова нашла проклятую нить и осторожно двинулась вдоль нее. Как она и предполагала, нить тянулась к сердцу. Здесь пригодился целительский опыт. Волшебница действовала максимально бережно, однако лягушка занервничала и заворчала.

Зрители затаили дыхание. Конечно, они не могли видеть, что происходит на самом деле, но напряженное лицо Вительи, бледность и испарина мага подсказали им, что ситуация достигла критической точки. Торусилья даже отставила походную кружку с пивом, которым беззастенчиво наслаждалась, закусывая копченой куриной ножкой.

Волшебница тронула нить, вросшую в стенку сердца, и оно пропустило удар. Лягушка закатила глаза и упала на бок.

– Нить! – закричал Альперт. – Она уходит вглубь!

– Перехвати и держи, – приказала Вителья.

Схватила покрывало, прыгнула в воду. В несколько широких шагов добралась до земноводного, обмотала защитной тканью и вынесла на берег, где принялась делать массаж сердца.

Лягушка выглядела мертвой.

– Выпусти меня из своей клетки, – вдруг сказала Тариша, – я помогу!

Вита махнула рукой, снимая щит.

Фарга метнулась к ним, опустилась на колени рядом с волшебницей, накрыла ее руки своими.

– Давай, я буду массировать, а ты исцеляй – ты опытнее меня!

Вителья с благодарностью взглянула на нее и направила Силу к сердцу лягушки, чтобы заставить его забиться.

– Что мне делать дальше? – прошептал Альперт.

Казалось, он сейчас упадет в обморок, но волшебница уже знала, что это лишь видимость – Аль был из тех, кто идет до конца.

– Медленно отпускай нить... Пусть уходит... Мы с Таришей будем поддерживать сердце, пока оно не запустится.

Лишь спустя несколько минут лягушка дернула задней лапой и задышала. В открывшихся голубых глазах плавала бурая муть, грозя навсегда затянуть васильковый цвет.

Вита от усталости упала на траву рядом с лягушкой.

Тариша на всякий случай еще несколько раз похлопала земноводное по животу и тоже замерла.

– Дело плохо, да? – сочувственно спросил подошедший к ним Грой, протянул Вителье руку, помогая подняться.

– Воздействие активизирует заклятье, – несчастным голосом ответил за волшебницу Альперт. – Сейчас Марья еще больше превратилась в лягушку.

– Бедная дева, – Торусилья покачала головой и все-таки прикончила пиво. – Сдается мне, надо идти за помощью к архимагистру.

– Так мы и сделаем! – Вита тяжело вздохнула и посмотрела на Попуса: – Аль, прости!

Маг бережно поднял лягушку и отпустил в озеро, где ей сразу стало легче.

– Спасибо тебе, Вителья, – дрогнувшим голосом сказал он, – спасибо, что попробовала.

Но в этот раз я не могу проиграть!

Он резко развернулся и ушел под сень деревьев, скрывшись из вида.

Вита хотела было догнать его, чтобы спросить, что он имеет в виду, говоря «в этот раз», однако Тариша тронула ее за плечо:

– Мне кажется, ему нужно побыть одному.

– Ты права, – снова вздохнула волшебница. – Большое тебе спасибо за помощь!

– Да не за что, – проворчала фарга и, поднявшись с травы, поинтересовалась: – Уважаемая Торусилья, там еще осталась куриные ножки? Нам, как целителям, положено по две!

– Пойдем, – позвал Вителью Грой, – тебе надо поесть!

Перед тем, как последовать за ними, волшебница бросила взгляд на лягушку. Марья, с упоением плескавшаяся в озере, казалось, совсем забыла, что когда-то была человеком.

* * *

Ее Высочество Бруни оперлась о подоконник и со стоном потянулась.

– Болит спина? – сочувственно спросила герцогиня рю Воронн, которая сопровождала принцессу в ежедневной поездке в Приют Почтарей.

– Отваливается, – пожаловалась Бруни, – у вас тоже так было на последних сроках, Фирона?

– Да, – коротко ответила герцогиня. – Отличная комната, Ваше Высочество, мне нравится цвет, в который покрасили стены! Он делает ее просторнее и светлее. А вам?

Принцесса обернулась и с удивлением посмотрела на нее – не ожидала, что та сменит тему.

– Хороший цвет, спокойный, – кивнула Бруни. – Как вы думаете, может быть, мне полежать на теплой бутылке? Кумушки из квартала Мастеровых говорили, что так спина расслабляется. Вы лежали? Помогло?

– Не лежала, – качнула головой Фирона. – Ваше Высочество, давайте спросим мэтра Жужина, что с этим делать... Если честно, я плохо помню свою беременность, поэтому вряд ли что-то смогу посоветовать!

– Как можно не помнить беременность? – удивилась принцесса, но заметив, как неуловимо изменилось лицо герцогини, заговорила о другом: – Как себя чувствует та девочка-сиротка, попавшая на улицу после пожара и гибели всей семьи? У нее была сильная простуда и незаживающие ожоги... Кажется, ее звали...

– ...Милена, ее зовут Милена, – улыбнулась Фирона. – Ей значительно лучше, я навещаю ее каждый день. Но, к сожалению, она до сих пор молчит. Ее целитель говорит, что та ночь и дальнейшие скитания привели к необратимым последствиям.

Герцогиня подошла к окну и остановилась рядом с Бруни. Внизу тянулись бесконечные обозы – крестьяне приехали в столицу на рыночный день.

– Он ошибается! – вдруг горячо произнесла Фирона. – Милена обычный ребенок, она все понимает и интересуется жизнью, просто не хочет разговаривать. Саник Дорош тоже долго молчал, да и сейчас говорит редко!

– Зато, когда заговорит, его не остановить, – засмеялась Бруни и дотронулась до локтя герцогини: – Вы не представляете, как я рада, что нашла вас, Фирона. Вы готовы быть матерью для всех обездоленных детей и не теряете надежды вернуть им детство – и вы правы!

Герцогиня повернулась к ней и воскликнула, порывисто сжав руки на груди:

– Для меня служить вам – удовольствие, Ваше Высочество, а помогать вам в том, что вы делаете для Вишенрогских сирот – мой главный долг и призвание. Индари не дала мне возможности материнства, но если судьба отбирает родителей у детей – они не должны оставаться одни!

Принцесса изумленно смотрела на нее. Настолько изумленно, что Фирона вдруг судорожно вздохнула и торопливо добавила:

– Я имею в виду, до сына, Яго. Сейчас он уже взрослый, моя забота ему не нужна, но, к сожалению, множество детей в Ласурии нуждаются в любви и ласке.

– Конечно, – кивнула Бруни и снова потянулась, – поэтому сейчас мы с вами отправимся дальше... Григо, что у нас в планах?

– Чего там только нет, Ваше Высочество! – донесся из коридора голос Хризопраза.

Секретарь показался на пороге, держа в руках свою тетрадь в голубой бархатной обложке.

– Итак, сначала...

Принцесса вернулась домой только к семейному ужину, но несмотря на то, что спина продолжала болеть, а ноги ныли, была довольна тем, как прошел день. Трактирщица Бруни, ложась спать, всегда вспоминала прошедший день, прикидывая, что можно было сделать лучше, например, какие продукты купить дешевле. Принцесса Брунгильда размышляла о прошедшем дне в масштабе целой страны. Это было такое странное чувство – знать, что ты делаешь что-то не зря! И оно ей ужасно нравилось. Но было кое-что, что ее тревожило.

Дождаясь Аркея, Бруни сама не заметила, как уснула. Проснулась, когда пробило полночь. В купальне шумела вода.

Принцесса встала, накинула халат – необъятных, надо сказать, размеров халат, который ужаснул ее, когда она впервые его увидела, – и отправилась в купальню.

Его Высочество Аркей, стоя в ванной, выливал на себя одно за другим ведра холодной воды и с удовольствием фыркал, напоминая фырканием Стрему, бегущего по следу.

– Ты почему не спишь? – грозно спросил он, увидев супругу. – Мэтр Жужин сказал, что для будущих мамочек очень важен режим. И где твой режим, я тебя спрашиваю?

Подойдя, Бруни прильнула к его мускулистому мокрому телу и облегченно вздохнула. Кай, ее Кай, был здесь, рядом, а его сердце ровно и мощно билось прямо под ее ухом.

– Ты – мой режим, муж мой, – улыбнулась она, поднимая к нему лицо, и губами ловя его бережные поцелуи, жадность которых он явно сдерживал.

Однако Аркей слишком хорошо ее знал. Отстранившись, он внимательно посмотрел на нее.

– Что случилось, родная?

Бруни задумчиво наматывала локон на палец.

– Мы разговаривали с герцогиней рю Воронн, и кое-что меня насторожило...

Аркей взял полотенце, лежащее на краю ванной, и принялся вытираться.

- Сейчас мы выйдем отсюда, и ты мне все расскажешь, – сказал он.
- А потом? – с надеждой спросила принцесса. – Кай, я соскучилась!
- Его Высочество тяжело вздохнул и с сожалением произнес:
- А потом вернемся к режиму.

* * *

После возвращения Яго и Дикрая из поездки «призраки» еще несколько дней провели в Грапатуке. Яго и Вита ежедневно ужинали у мастера Тукотрина, и когда пришло время отправляться дальше, расстались, очень довольные друг другом. Вителья дала слово дядюшке писать ему письма, а почтенный мастер, лукаво подмигнув Яго, туманно обещал, что теперь все будет хорошо.

– Значит, завтра возвращаемся в Узамор? – спросил за ужином в трактире Вирош, но не очень удивился, когда Яго возразил:

- Нет, мы отправимся в Синие горы.
- К Пыльному озеру, ломать каменные кряжи, – добавил Дикрай.
- О как! – с удовольствием заметил Дробуш. – Это мы завсегда, правда, Вита?

Вита кивнула. Она, как глава секретной миссии, могла бы возмутиться нарушением маршрута, но слишком хорошо знала Яго и этот его тон, которому следовало подчиняться беспрекословно.

Поскольку Ягорай досконально запомнил место, где располагалось Пыльное озеро, порталный свиток перенес их прямо на его берег. Вита с удивлением разглядывала раскинувшуюся перед ней серую гладь, по которой редкие сквозняки гоняли пылевые воронки.

- Здесь все как было, а пахнет осенью, – заметил, останавливаясь рядом с ней, Грой.
- Настоящей рубаче без разницы, какое время года, было бы что рубать! – сообщила из-за их спин Торусилья. – В настоящий момент мне хочется порубать эту пыль – она меня бесит!
- Бесплезное занятие... – фыркнула Руфусилья. – Уважаемый Яго, где тут силу применить-то?

– Вот здесь! – крикнул Альперт, который забрался по каменной круче туда, где ясно виднелась трещина в каменной стене. – Когда-то здесь было русло – смотрите, вон, внизу гладкие камни, это вода их обточила.

Вителья повернулась к Яго, который с непонятным выражением в глазах смотрел на Пыльное озеро.

– Ты действительно хочешь, чтобы мы с Дробушем попробовали расчистить старое русло?

Рю Воронн перевел взгляд на нее, и Вита внутренне содрогнулась – такая в нем плескалась непостижимая, древняя темнота. Будто и не человек только что посмотрел на нее, а существо гораздо, гораздо старше!

- Да, хочу, – тихо ответил он. – Ты мне веришь?
- Верю, – успокаивающе улыбнулась она, – и сделаю, что смогу. Только думаю, что лагерь надо разбить на той стороне озера, ведь не известно, как склон отреагирует на вмешательство. Займитесь этим, а мы пока осмотримся.

– Возвращаемся на место прежней стоянки? – спросил Грой.

Яго на мгновение тронул подбородок Вительи горячими пальцами и пошел прочь.

Волшебница повернулась к Вырвиглоту:

- Идем, Дробушек, займемся твоим любимым делом...
- Это каким же? – удивился тролль.
- Будем проверять валуны на сейсмоустойчивость.

«Он это любит! – раздался голос Кипиша, слышимый только Вите и Дробушу. – Его хлебом не корми, дай что-нибудь проверить на сейсмоустойчивость!»

«В отличие от тебя, бесполезное ты существо, я Вите помогаю!» – огрызнулся тролль.

«Ой-ой, помогает он, видите ли! Может быть, я тоже помогаю, просто вы не замечаете!»

«И как же ты нам помогаешь, позволь спросить?» – Вителья добавила во внутренний монолог ехидства.

«Ну... Кто тебя развлекал, когда ты грустила о Яго? – нашелся Кипиш. – Повидала новый мир, спасла невинную жизнь...»

«Не спасла!» – помрачнела Вита.

«Жизнь – спасла! – не согласился невидимый божок. – Душу не можешь, но ты что-нибудь придумашь. Опять же, асфальту там понравилось, да, асфальт?»

«Не знаю никакого асфальта, гранит я, – привычно проворчал Дробуш, – но ты прав, мне там было как-то... Даже не знаю, как сказать... Как будто домой вернулся!»

«Интересно, почему?» – промурлыкал Кипиш.

«Ты что-то знаешь об этом? – насторожилась Вита. – А ну-ка, давай, рассказывай!»

«Желание моей жрицы – закон для меня... почти всегда! – хихикнул противный божок. – Видишь ли, дело не в антураже, а во времени. Что ты чувствовал, находясь в том мире, Дробушек?»

Тролль задумался.

Увлеченный изучением древнего русла Альперт лазил по камням, не замечая, что Вителья и Вырвиглот стоят неподвижно и тарачатся куда-то со странными выражениями лиц.

«Мне было... легко, – наконец, ответил тролль, – легко говорить, легко действовать».

«Вот-вот, легко, – согласился божок, – а легко тебе было потому, что ты – древняя камешка, которая возрастом может поспорить с богами. С ними тебе легче общаться, чем с обычными людьми, правда?»

«Богами?! – опешила волшебница и вдруг сообразила, о чем говорит Кипиш. – Богами! Ну конечно! Все, кого мы встретили – боги того мира!»

«И что они за боги? – заинтересовался Вырвиглот. – Боги чего? Ведь богов просто так не бывает, вот ты, например, противный бог хаоса!»

«Я – великолепный бог хаоса! – захохотал Кипиш. – Ты просто завидуешь, кусок облезлого мрамора, моему великолепию!»

«Стоп! – приказала Вителья. – Сначала расскажи о богах, а потом можешь заниматься самолюбованием».

«Ну хорошо, – сдался божок. – Кощей, он же Карачун – повелитель подземного мира, холода и мрака...»

«С виду такой интеллигентный дедушка!», – расстроился Дробуш.

«Баба Яга, она же Макошь, – охранительница Царства Мертвых от живых, сама не живая и не мертвая чародейка, покровительница лесов и духов предков».

«А вот это похоже», – согласилась Вита.

«Семаргл – проводник между миром живых и мертвых, владеющий божественным огнем, покровитель животных и растений...»

«Но не оживающих скелетов!» – поднял палец Дробуш.

«А Василиса? – спросила волшебница. – Она-то кто?»

«Василиса она только для богатырей, что мечтают освободить ее от злобного Кощея, – захихикал божок. – Ее настоящее имя – Морана, богиня зимы и смерти. Обожает поломанные сельскохозяйственные инструменты и черепа... Собственно, из-за черепов-то она богатырей во дворец и приманивает, изображая белокожую деву с соболиными волосами».

«Это прямо Акраеш какой-то в юбке! – возмутился Вырвиглот. – А змей кто таков?»

«Так змей, – невинно ответил Кипиш, – длинный, наглый, голодный. Звать его Уроборосом, ползает этот гад из одного мира в другой и везде воду мутит. Нас, таких шутников, во вселенной немного – раз, два и обчелся!»

«То есть, вас всего двое? – уточнила Вителья. – Двое прародителей хаоса?»

«Ага, – в голосе божка сквозило довольство, – но мы друг с другом не конкурируем. Вселенная велика, места всем хватает!»

«Какой ужас!» – искренне сказал тролль.

«А Марья, кто она? – затаив дыхание, спросила волшебница. – Тоже богиня?»

«А вот ей не повезло, – фыркнул божок, – человек она, самый настоящий человек. От отца ничего не переняла, все – от матери. Та была женщиной простой и доброй, но очень красивой. Однажды зимой пошла за дровами да заблудилась в лесу, видать, леший закрутил. И совсем бы замерзла, но на нее случайно набрел Кошей. Ты же помнишь, что он повелитель холода и мрака? Он в нее влюбился с первого взгляда и предложил сделку – он оставляет ее в живых, но жить она будет у него во дворце. Едва шаг наружу ступит – погибнет. Она согласилась – Кошей тогда в самой силе был, любую мог уговорить. Годы шли, она начала тосковать по обычному миру, даже маленькая дочка, что у них с Кашеем родилась, не спасала от тоскливых мыслей. И однажды она решилась – вышла за дверь...»

«И умерла?» – с ужасом спросила волшебница.

«Умерла, – вздохнул Кипиш. – У Кошея осталась дочь, которую он растил, ни в чем ей не отказывая. Русалки ее колыбель на реке качали, кикиморы ей платья шили, леший ягод приносил, а мавки колыбельные пели. Но как-то он встретил Морану...»

– Бедное дитя, – пробормотала Вителья.

– Что? – крикнул Альперт. – Вита, что ты сказала? Идите сюда, что вы там застряли?

– Идем! – крикнула она в ответ, а про себя подумала:

«Кипиш, ты ведь ничего не делаешь просто так... Зачем ты рассказал об этом?»

В ответ послышался довольный смех божка.

«Приятно, когда твоя жрица умнее горшка, – сквозь смех проговорил он. – Ты поймешь это, когда продолжишь фразу...»

«Какую такую фразу?» – подозрительно поинтересовался Дробуш.

«То, что может убить бога одного мира, вполне может...»

И Кипиш замолк.

«И почему мне хочется убить именно этого бога?» – сердито спросил тролль.

Вопрос был риторическим.

* * *

В дворцовой конюшне, среди королевских лошадей, у Веслава Гродена была своя – черная, как смоль кобылка Веста, дамочка своенравная, но к тому, к кому привязывалась, очень нежная. К сожалению, принцу Аркею не часто доводилось выезжать на прогулки вместе с молодым оборотнем, которого он считал приемным сыном. Однако Весть лошадку не забывал – навещал регулярно, выгуливал даже в одиночестве. Но не сегодня.

Ловко уклоняясь от метящих в лицо ветвей, Весть гнал Весту следом за гнедым жеребцом, принадлежащим Аркею. Рассвет только тронул бледными пальцами верхушки деревьев – график Его Высочества на более позднее время был расписан по минутам.

Веслав никогда не спрашивал принца, куда они отправятся в этот раз. Нюх в помощь – он всегда мог догадаться, где они находятся и в каком направлении двигаются. Оборотно просто нравилось ехать рядом с немногословным принцем, любоваться окрестностями Вишенрога, иногда разговаривать о чем-то.

Аркей остановил гнедого в лощине между холмами. Чуть впереди стоял непонятно откуда взявшийся здесь чурбак высотой в человеческий рост.

Принц спешился, бросил поводья и махнул Весю рукой.

Когда Гроден подошел, Аркей уже держал в руках странную железяку, похожую на чудной молоток.

– Что это? – удивился Весь.

Принц улыбнулся, хотя взгляд его оставался серьезным.

– Это страшная государственная тайна, Весь, но я хочу тебе ее показать и научить пользоваться. Только прошу тебя, не говорить об этом ни с кем, кроме меня!

Его Высочество никогда не просил Веслава о чем либо, поэтому всю важность момента оборотень осознал мгновенно.

– Обещаю! – горячо кивнул он.

– Возможно, когда-нибудь эта штука спасет жизнь кому-то из твоих друзей или родных, – продолжил Аркей, задумчиво глядя на предмет, – но при этом отнимет другую.

– Так это оружие? – догадался Гроден. – Как оно работает?

– Это изобретение гномов, называемое «малопушка»... Парадокс, Весь, в том, что самое смертоносное оружие на Тикрее, если не считать боевой магии, изобрели гномы – народ, который не любит воевать и всегда предпочитает худой мир доброй войне.

– Вот эта железяка – смертоносное? – засомневался Гроден.

– Я тоже так думал, пока не увидел своими глазами, – невесело усмехнулся принц.

Он достал из кармана камзола яблоко, дошел до чурбака и поставил яблоко сверху, после чего вернулся.

– Готов, Весь?

– К чему? – удивился тот.

– Будет немного громко.

Принц лукавил – громко было так, что Гроден машинально отпрыгнул в сторону, и чуть было не поддался обороту – как делали все оборотни в момент опасности. Но он внимательно следил за яблоком, на которое Аркей навел оружие и успел заметить, что яблоко... исчезло.

Весь метнулся туда, обежал чурбак, втягивая воздух носом. Нет, яблоко не исчезло, оно просто разлетелось на мелкие кусочки.

– Это звук так действует? – вернувшись, спросил оборотень. – Он наносит урон?

Принц качнул головой.

– Нет. Думаю, мы устроим здесь пикник, и я покажу тебе, как это работает. Снимай корзины, которые нам приготовила Бруни – время завтракать.

Они пробыли в лощине до восхода солнца. Его Высочество за прошедшее время приловчился неплохо стрелять, или как говорили уважающие себя мастера «лупить». Весь тоже попробовал и был поражен, с какой силой бьет в ладонь рукоять «смертоносного оружия». Аркей пообещал, что научит его управляться с этой штукой, но, увы, солнце уже поднялось над горизонтом, и им следовало возвращаться в Вишенрог.

Гроден успел как раз ко второй паре. Садясь за парту, заметил, как Рахен бросил на него взгляд, не скрывая зависти – учуял, серый, запах полей и лесов, лошадей, прогулки на свежем воздухе.

– Опять носились верхом по буеракам с Его Высочеством? – спросил он шепотом.

Весь молча кивнул.

– А почему от тебя пахнет горячим железом? Заезжали в кузню, что ли?

Оборотень снова кивнул и, отвернувшись, стал смотреть в окно. «Страшная государственная тайна» жгла гортань, так хотелось рассказать друзьям об увиденном...

Но ведь тайна на то и тайна, чтобы хранить ее и мучиться, не правда ли?

* * *

Приложив ладонь козырьком ко лбу, Ягорай следил за маленькой черноволосой фигуркой на том берегу. Вителья стояла чуть в стороне от древнего русла. Вызвавшийся помогать Альперт устроился напротив, а сверху на гряде, которую требовалось разрушить, прогуливался равнинный тролль Дробуш Вырвиглот в своем настоящем обличье, иногда останавливаясь и стуча пяткой по камню.

– Чего они медлят? – проворчала Руфусилья.

– Я полагаю, Дробуш ищет слабое место, – ответил Вирош, стоящий рядом с Яго.

– Он будет на нем прыгать? – с подозрением осведомилась младшая рубака. – Я хочу на это посмотреть!

Тариша отвернулась и занялась костром, показывая, что ей это вовсе неинтересно.

– Яго, ты уверен, что Вита справится? – спросил Дикрай. – Она, конечно, сильный маг, но, по-моему, камни дробить ей не доводилось.

– Сомневаюсь, что она будет их дробить, – усмехнулся Грой, – это слишком грубо, друг мой. Здесь нужно с умом...

Тролль остановился, потом отступил пару шагов в сторону и что-то крикнул – даже с другого берега озера было видно, какая огромная у него пасть.

Волшебница подняла руки, словно приготовилась дирижировать, а затем повела неровную линию в воздухе, очерчивая некую диагональ. Однако на каменной стене не оставалось ни следа.

Следующий час все, даже Тариша, забросившая приготовление обеда, с изумлением следили, как Вителья вырисовывала в воздухе странные контуры. Иногда к ней присоединялся Альперт. Казалось, маги, стоящие на разных берегах древней реки, танцуют некий мистический танец, которым руководит существо, не менее древнее, чем река.

– Какого Аркае... – возмутилась Тори, когда ее терпение лопнуло.

Однако договорить она не успела. Вита вспыхнула, словно ярчайший факел, а Дробуш... прыгнул. Прыгнул высоко, с оттяжкой, после чего всей массой обрушился на склон. По камню побежали тонкие трещины, напоминающие нити паутины. Дробуш снова прыгнул. Трещины бежали от центра в стороны, следуя векторам, наведенным волшебницей, и середина кряжа начала проседать, поднимая тучи пыли не только вокруг, но и с Пыльного озера. Серая завеса заволокла дальний берег.

Дикрай покосился на Яго. Ласурец расширенными зрачками следил за происходящим, но не делал ни движения. Казалось, он, единственный из всех, видит то, что там происходит.

– Вода... – вдруг сказал Грой. – Аркаеш меня побери, я чую воду!

– Точно! – засмеялась фарга. – Пахнет водой!

Пылевой туман раздался в стороны, будто сдуваемый порывом ветра. Впрочем, так оно и было – Альперт точными воздушными ударами гнал пылевое облако прочь. В древнем русле копошился Дробуш, вытаскивая и отбрасывая огромные камни. Маленький ручеек, текущий по дну, с каждым отброшенным валуном становился все сильнее. Вителья развеивала песок, мелкие и средние камешки, расчищая русло следом за троллем, который пробивался вперед с упорством гнома, почуявшего радужную дружбу.

Не сговариваясь, позабыв про костер, «призраки» побежали туда. Когда они достигли русла, ручеек уже превратился в речушку. Вителья и Альперт, который перебрался к ней с другого берега, стояли в стороне, а Вырвиглот простукивал и ощупывал огромный валун, перегородивший путь воде. Поток протискивался по обеим сторонам от него.

– Что там, Дробушек? – спросила Вита.

– Его надо немного повернуть, тогда вода сама его вытолкнет, – ответил тролль.

Он подпер валун спиной, поднатужился, попытался сдвинуть, но камень будто врос в землю.

– Заклинило, – сплюнула Торусилья.

Грой лукаво посмотрел на нее.

– А что, уважаемая Тори, почтенным рубакам никакими правилами не запрещается помогать троллям? – весело спросил он, и пошел к Дробушу, засучивая рукава.

– И то дело! – кивнула Руфусилья, отстегнула топор, вместе со шлемом положила на землю и последовала туда же.

– Эй, подождите меня! – завопил Дикрай, бросаясь за ними наперегонки с Торусильей.

Яго и Тарища переглянулись, улыбнулись друг другу как взрослые, наблюдающие за детскими шалостями, и тоже направились к ним.

Общими усилиями камень удалось сдвинуть. Вода хлынула, грозя полностью затопить русло.

– Уходите все, я его придержу! – зарычал Дробуш.

– А ты? – спросила фарга, в ее голосе звучало искреннее беспокойство.

– Камни не тонут, – коротко ответил тролль.

– На берег, быстро, – приказал Ягорай, вместе с Вырвиглотом упираясь спиной в валун, который дергался, как желаящее ожить чудовище.

Когда ласурец последним вышел из воды, Дробуш, довольно ухмыляясь, шагнул вбок, лишая камень опоры. Тот затрясся, будто припадочный, а затем вдруг рванул в сторону Пыльного озера и запрыгал по прибрежной кромке. Поток сбил тролля с ног и потащил в том же направлении, однако Вырвиглоту удалось, цепляясь пальцами за неровности в дне, выбраться на берег. Обретшая свободу река ревела и прыгала в русле цепным псом, кружила мутные буруны у берега, стремилась дальше, и не было ей конца.

– И что теперь? – спросила Вителья, подходя к Яго.

Он обнял ее одной рукой, продолжая смотреть на поток.

– Будем ждать, пока вода наполнит озеро.

– А потом?

Рю Воронн пожал плечами.

– Понятия не имею.

– Ну здорово! – захохотал Грой и махнул рукой. – Пойдемте на стоянку. Пока уровень воды поднимется, может несколько дней пройти.

– Мы – отличная команда! – сказала Вита, возвращая Дробушу амулет. – Альперт, к тебе это тоже относится.

Маг покраснел, неуклюже поклонился и поспешил за Вирошем. Глядя ему вслед, Вита на мгновение поймала какую-то мысль... Что-то, связанное со словами Кипиша о смерти бога, но рев воды спугнул ее.

– Сегодня я буду спать, как младенец, – улыбаясь, произнес Ягорай и поцеловал ее в макушку.

– Почему? – машинально спросила волшебница.

Рю Воронн промолчал, но она знала ответ.

* * *

С тоской смотрю в туманные осколки лета
Куда же ты спешишь, зачем меня бросаешь?
В глазах лесных озер все больше полусвета

И, солнце, как снежинка, ты все сильнее таешь!¹

Красивый голос долетал даже до вершины Золотой башни. Архимагистр Никорин отложила самопишущее перо, встала и подошла к окну. По улице неторопливо шел молодой менестрель, задумчиво перебирал пальцами струны лютни. Казалось, он не замечает ни горожан, спешащих по своим делам, ни проезжающих мимо всадников, ни стен домов. Его голос – чистый и звонкий, взлетал к небесам, из которых уже исчезла синяя беспечность лета. Одет парнишка был небогато, но опрятно. И только его сапоги после дорожных странствий явно доживали последние дни.

Усмехнувшись, Ники сплела заклинание и выпустила. Трансформацией предметов она увлекалась еще в юности. Училась на тумане, что окружал гору Белого старца, превращая его в воду, хлеб и вино.

Менестрель споткнулся, смешно подпрыгнул и застыл, с изумлением разглядывая новенькие щегольские сапоги. Затем заозирался, увидел Золотую башню и, прижав руку к сердцу, почтительно поклонился.

Ники помахала ему. Настроение поднялось. Все еще улыбаясь, она вернулась за стол, и только тут заметила, как мигают самоцветы на раме зеркала связи. Спустя мгновение в амальгаме показался седобородый гном. На изборожденном морщинами лице поблескивали маленькие темные глазки, похожие на медвежьи.

Ласурский архимагистр, благо еще не садилась в кресло, уважительно поклонилась. Архимагистр Драгобужья кивнул не менее уважительно, но из своего кресла не поднялся. Возраст в несколько сотен лет позволял ему изображать из себя немощного старца. Многие попадались на этот обман, о чем после горько жалели.

– Ваше Могущество, как себя чувствуете? – подыгрывая почтенному гному, начала разговор Ники.

– Ох, сегодня – так, завтра – этак... – закричал тот, попыхивая трубкой, и демонстративно потер колени. – А вы все цветете, Ники! Я вам завидую!

– Да ладно? – рассмеялась та. – Я – счастливая женщина! Мне завидует величайший волшебник Тикрея!

– Да ладно? – в ее же тоне ответил Драгодруг Синих гор мастер. В его глазах тоже прыгали смешинки. – Тогда поделитесь своим счастьем, Ники.

– Приглашаете, Ваше Могущество? – прищурилась архимагистр.

– Приглашаю! – кивнул тот и вытащил трубку изо рта, показывая тем самым, что разговор пойдет серьезный.

– Брут, я скоро вернусь, – сказала Никорин в пустоту и шагнула из своих покоев прямо в сумрачные чертоги Драгобужского архимагистра.

Здесь было прохладно, и вкусно пахло крепким табаком и пергаментами.

– Желаете чего-нибудь? – любезно осведомился гном, когда она села в кресло напротив. – Морс? Баблю? Эль?

– Благодарю, нет, – качнула головой Ники. – Ваше Могущество, вы меня удивили. Я не ожидала увидеть вас там, на поляне. Неужели доходы квартиры идут не в общак, а в государственную казну?

Драгодруг ухмыльнулся.

– Казне нет нужды в доходах от контрабанды – она полна, наполняется регулярно и будет наполняться, пока существуют Тикрейские недра. Я контролирую квартиру не в личных или финансовых целях, мне важно знать, что происходит в Драгобужье... даже если об этом не

---

¹ Стихи автора.

знает Его Величество! Мне хотелось лично убедиться в том, что малопушки попадут в те руки. И как они вам?

Ники пожала плечами.

– Мне – никак, уважаемый мастер, а вот Его Высочество Аркей от них в восторге. Он уже лупит всюю и чаще всего попадает в цель.

– Ваш будущий король – способный мальчик, Ники, с ним приятно иметь дело. Но Драгобужье интересно не только Ласурии...

– Крей? – понимающе спросила архимагистр.

– Крей... – Драгодруг спрятал ладони в широкие рукава мантии, словно они мерзли. – Прогресс, как вы знаете, не остановить. Пытливый ум всегда найдет лазейку для явления миру своих талантов, чаще всего, не задумываясь о последствиях...

Никорин молчала. Архимагистр Драгобужья говорил о третьем сыне своего короля. Не стоило делать ремарки по этому поводу.

– К сожалению, Его Величество Виньогрет увидел изобретение Рофельхаарта раньше меня и был им покорен, – проворчал Драгодруг. – Будь моя воля, я бы уничтожил опытный образец и изъял бы из памяти инженера воспоминания об этом изобретении. Но только из памяти инженера, не короля! Поэтому мне было важно, чтобы оружие оказалось в Ласурии, где его не используют против нас.

– Вы в этом уверены? – подняла бровь Ники.

Спрашивала не как Ласурский архимагистр, а как одна из могущественнейших волшебниц Тикрея, и гном это понял.

– Скажем так, я больше уверен в Ласурии, чем в Крее, – усмехнулся он. – У асурха Понтеломуса есть две очень неприятные черты: он завистлив и нетерпим. С таким правителем трудно договариваться, но еще труднее жить... под его протекторатом.

– Я слышала о том, что эльфы недовольны его правлением, – кивнула Никорин.

– Ха, эльфы! – хохотнул Драгодруг. – Они могут быть недовольны по самые кончики ушей, но против асурха не пойдут, понимая, что он задавит их числом вместе с их расхваленным оружием, доспехами и магией. Однако эльфы – живой пример того, что бывает с теми, кто склоняет голову перед Креем. Давайте займемся чистой риторикой, Ники, а именно порасуждаем о будущем Тикрея... Всем ясно, что противостояние Ласурии и Крея не закончено. Асурх никогда не простит Его Величеству Редьярду перемирия, к которому тот его принудил, заставив подписать договор на условиях, выгодных не только Крею. А это значит, быть войне, рано или поздно, так или иначе. И если это произойдет, Драгобужье вынужденно окажется буфером. Таким, знаете, лакомым кусочком, где можно разжиться самым смертоносным на текущий момент оружием Тикрея.

– Думаете, асурх предпочтет начать с вас? – напрямую спросила Ники – не было нужды в дипломатии.

– Не исключаю такую возможность, – кивнул Драгодруг. – Среди гномов многие хотели бы сотрудничать с Креем, ведь наша общая граница длиннее, чем общая граница с Ласурией, соответственно, больше торговых путей и деловых связей. Крей, бедный своими сырьевыми месторождениями, всегда много покупает у нас и никогда не скупится платить полную меру. А Его Величество Редьярд, что уж говорить, скуповат, как гном! – Драгобужский архимагистр хихикнул, но тут же посерьезнел. – Но мои братья, глядящие в сторону Крея, не видят или не желают видеть одного – отношения Понтеломуса к чужой вере. Крей ведь не всегда был таким большим, он расплывался, как ядовитая медуза на песке, поглощая мелкие княжества со своей историей, традициями и божествами. И что мы видим на сегодняшний день? В Крее при всем многообразии народов только одна история и одна вера – вера в Пантеон. Об остальных богах забыли, стерли с лица земли их храмы, а из памяти верующих – молитвы и ритуалы. В

противовес этому в Вишенроге начато строительство Храма Всех Богов, в котором участвуют и люди, и гномы. Он обещает стать одним из чудес света, если будет достроен.

– Храм будет достроен, – улыбнулась Ники. – Его Величество Редьярд не только скуп, как гном, он еще и упрям, как уважающий себя мастер. Если идея его захватила, никому не будет покоя, пока он ее не воплотит в действительность.

Драгодруг склонил голову, признавая истинность сказанного, и продолжил:

– Прокрейская фракция среди старшин сильна, однако и Ласурская не слабее. Но чтобы дальше развивать дружеские отношения между двумя народами Тикрея, которые не стремятся все время воевать, нам нужно больше делать друг для друга... – Драгобужский архимагистр замолчал и пронзительно взглянул на Никорин. – Я чувствую некую злую волю, направленную в Вишенрог, Ники, и готов помочь, если потребуется.

Драгодруг не говорил прямо, однако волшебница знала, что ему известно об угрозе, нависшей над Ласурией – хорошо развитая шпионская сеть гномов была тому порукой.

– Я благодарна вам за предложение помощи, мой друг, – негромко произнесла она, – но магия на бешеных не действует.

– Так я не о магии, – промурлыкал гном. – Естественно, предложение неофициальное. От вас потребуется лишь не препятствовать мне, коли я решу открыть портал из Подгорья в Вишенрог.

– Естественно, – рассмеялась Ники. От сердца немного отлегло.

– Может, все-таки эля? – вкрадчиво предложил Драгодруг. – За понимание, так сказать!

– За понимание? – Ласурская архимагистр вздохнула. – Разве я могу отказаться?

* * *

Бруни никому не призналась бы в том, что не любит смотреть вслед уходящему супругу. Каждый раз царапало сердце горькими воспоминаниями из прошлого, которые она пыталась забыть. Но, видимо, жизнь без Кая была для нее настолько невыносима, что страх однажды потерять его возникал периодически, как возникает иногда у людей страх перед собственной смертью.

Принц ушел на весь день. Его Величество Редьярд сегодня принимал Драгобужского посла Арбиддона Снежского. Аркей, как и его младший брат, должны были стоять за тронном во время официальной части. Их супругам в связи с «интересным положением» милостиво разрешили не присутствовать. После приема в Большой тронной зале предстояли долгие переговоры по сметам на строительство Храма Всех Богов.

Дверь за Его Высочеством не успела закрыться, как открылась снова, и на пороге показалась Катарина Солей с вопросом в глазах.

– Накрывай на стол, – улыбнулась Бруни.

Тяжело поднялась, опираясь на подлокотник дивана, и подошла к окну.

За ее спиной служанки, наполнившие гостиную, ставили у дивана низкий столик, накрывали его узорчатой скатертью, раскладывали посуду и угощения. Катарина, уже сбегавшая на кухню, торжественно водрузила посередине блюдо с вафлями, испеченными принцессой. Стоять у плиты Ее Высочеству было тяжело и жарко, однако дело того стоило.

Городские улицы позолотели. Дворники лениво шваркали метлами, гоня опавшие листья туда-сюда, но никто не жаловался на то, что они плохо выполняют свою работу. Осень в Вишенроге любили не меньше, чем лето. Поймав себя на желании немедленно оказаться в открытом море, на яхте вместе с мужем, Бруни с тоской покосилась на порталный перстень с рубином, который оттягивал палец и, повернувшись к Катарине, приказала:

– Зови!

Старшая горничная поклонилась, взмахом руки выгнала из комнаты служанок и ушла за ними. Но вскоре вернулась, ведя за собой низенькую широкую гномеллу в летах с красным лицом настоящей поварихи. Увидев Бруни, она низко поклонилась – неизящно, но с достоинством. Принцесса, помня все, что читала или знала о гномах, поклонилась не менее уважительно. Широко улыбнувшись, пошла навстречу госте.

– Добрых улыбок и теплых объятий, почтенная госпожа Венская! – воскликнула она. – Давно мечтала познакомиться с единственной гномеллой, официально состоящей в штате уважаемого посольства вашей замечательной родины, и вот, наконец, моя мечта сбылась.

Краснолицая гномелла расплылась в улыбке.

– Вы мне льстите, Ваше Высочество, к посольским делам я не имею никакого отношения, я просто кормлю наших уважаемых мастеров, которые как раз и состоят в штате посольства.

– Кормить государственных мужей – дело серьезное, – засмеялась Бруни, – я это знаю, как супруга одного из них. Думаю, на этой почве мы с вами найдем, о чем поговорить?

– Называйте меня просто Асканьей, Ваше Высочество, – снова поклонилась гномелла. – Я тоже думаю, что мы найдем, о чем поговорить, например, чем это так восхитительно пахнет?

– Оттуда? – Бруни кивнула на стол. – Давайте-ка проведем дегустацию?

Темные глаза госпожи Венской блеснули. Судя по комплекции, посольская кухарка любила не только готовить, но и покушать!

– Я не хочу показаться невежливой, – сказала принцесса, разливая по чашкам горячий морс, – но очень прошу, давайте обойдемся без положенных этикетом реверансов и будем просто болтать? Мне иногда кажется, что я задыхаюсь во дворце от излишней вежливости.

– Это издержки вашего положения, уважаемая принцесса, – спокойно улыбнулась Асканья. – Когда мы только познакомились с моим дорогим Застылом, он был самым несдержанным и пылким гномом из всех, кого я знала – и в любви, и в делах. Мне пришлось работать над его характером, как работает ювелир над природным кристаллом, доводя его грани до совершенного состояния.

– И вы довольны результатом? – с интересом спросила Бруни.

– Вполне, – кивнула гномелла. – Я мечтаю когда-нибудь увидеть Застыла послом, ведь наш уважаемый Арбиддон уже очень стар и все чаще тоскует о родине.

– Вам с супругом не надоело в Ласурии?

– Вишенрог стал нам вторым домом, – Асканья улыбалась. – Здесь мы с Застылом поддерживали друг друга, когда оказались в чужой для нас стране с непривычными обычаями. Здесь у нас родились сыновья, которые уже давно работают в Синих горах и стали настоящими мастерами, и дочь, вышедшая замуж за почтенного мастера-ювелира Ласурской диаспоры. Говорят, когда гномы чувствуют приближение своего срока, она стремятся быть ближе к Прагоре, но мы пока не стремимся, и это нас радует.

– Мне приятно слушать, как вы говорить о моем родном городе, – призналась Бруни, – я словно вижу его с другой стороны, оттуда, где еще не доводилось бывать. Да, что же мы! – спохватилась она. – Берите же вафли!

– Так это то самое лакомство, которым восхищаются ласурцы? – с удовольствием умяв сразу несколько вафель, поинтересовалась Асканья. – Это, и правда, вкусно! Так вкусно, что я даже закрою глаза на непривычную для гномов сладость этого блюда.

– Желаете что-нибудь более соленое? – лукаво улыбнулась Бруни. – Тогда, может быть, вместо морса я могу предложить вам, уважаемая Асканья, кружечку пива?

– Торусом клянусь, это отличная идея! – шлепнула ладонью по обширной коленке гномелла. – Но только, если вы составите мне компанию, Ваше Высочество!

Принцесса с опаской покосилась на дверь и прошептала:

– Я согласна, но для всех остальных – я пью морс, договорились?

Взгляд Асканьи скользнул на внушительный живот принцессы, и она понимающе кивнула.

Под мерзавчики и кружечку пива (Бруни обошлась одной, а вот гномелла ни в чем себе не отказала) они душевно поговорили о погоде, кулинарии и картинах мастера Вистуна. Обсудили меню – Бруни рассказывала о блюдах своего трактира, Асканья – о меню посольства. И расстались спустя несколько часов очень друг другом довольные.

Катарина, войдя и увидев две пивные кружки на столе, нахмурилась.

Раскрасневшаяся Бруни полулежала на диване, подложив под поясницу подушку.

– Налаживаете связи, Ваше Высочество? – в комнату проскользнул Григо Хризопраз. – Похвально, похвально.

– Я с удовольствием пообщалась с почтенной госпожой Венской, но, на самом деле, у меня есть цель, – рассмеялась принцесса. – Присядьте, Григо, и расскажите мне, как там мой муж и официальный прием, на который, – слава Индари! – я не ходила.

– Если расскажете мне о вашей цели, я передам вам записочку от супруга, – усмехнулся секретарь. – Полагаю, в ней написано, что Его Высочеству все надоело, и он по вам скучает.

– Вы читали, Григо? – возмутилась Катарина.

– Конечно, нет, – захохотал Хризопраз, – но об этом несложно догадаться!

Горничная фыркнула и принялась убирать со стола. Григо едва успел цопнуть последнюю оставшуюся вафлю, с удовольствием сжевал ее, уселся на стул напротив принцессы и достал из кармана сложенную записку:

– Итак?

– Вы – негодяй, Григо! – захихикала принцесса и понизила голос: – В Драгобужье есть одно местечко, которое называется Топенког...

* * *

Поднятая потоком озерная муть оседала три дня. Три дня Яго чувствовал себя, как на иголках. Три ночи просыпался, чтобы спуститься на берег и снова убедиться в непроглядной черноте воды. Три дня оборотни носились по горам, притаскивая разную дичь, а гномеллы наслаждались диетой, состоящей почти из одного мяса, так как остальные припасы подходили к концу. И три ночи Вителья, тайно используя Взор, наблюдала, как поет отражению демона в зеркале связи колыбельную стажер Попус. Лягушка Марья обычно сидела рядом с ним и дремала.

Ранним утром четвертого дня всех разбудил вопль Гроя, дежурившего в эту ночь последним:

– Ох и ничего себе! Эй, сони, живо поднимайтесь!

Рю Воронн, который вскочил первым, не поверил своим глазам. В поверхности озера, как в зеркале, отражались облака, высоко плывущие над горами, но теперь видимость возникла и на глубине, позволяя разглядеть... величественные белокаменные здания и улицы города, в незапамятные времена ушедшего под воду.

– Этого не может быть... – пробормотала Тариша, а Дикрай протер глаза, словно тоже не доверял тому, что видит.

– Вот это хусним так хусним! – воскликнула всегда выдержанная Руфусилья, а ее сестра от радости пустилась в какой-то дикий пляс, размахивая топориками так, что Альперт на всякий случай спрятался за Дробуша.

– Это то, чего ты ожидал? – спросила Вителья, беря Яго за руку.

У него было непонятное выражение лица, и она не стала настаивать, когда он так ничего и не ответил.

– Я хочу туда сплавать! – воскликнул Дикрай.

Его никто не успел остановить, как он уже бежал к берегу. Тариша, фыркнув, метнулась за ним. Оборотни плюхнулись в воду и поплыли на глубину.

– Это не опасно? – поинтересовался Альперт у Виты. – Вдруг там могильник?

Волшебница отпустила пальцы Ягорая и тоже пошла к берегу. Остановилась, когда вода коснулась мысков ее сапог, закрыла глаза, прислушиваясь к себе и окружающему. Это место было мертво, и никакая чужая воля им не заправляла. Если когда-то в нем и была энергия, она давно исчезла.

– Это не могильник, – Грой остановился рядом, словно прочтя ее мысли. – Это что-то другое!

– Может быть, мифический Лаартен? – крикнул с берега Альперт.

– Хорошая мысль, – проворчал стоящий рядом с ним Дробуш.

– Боюсь, мы этого не узнаем, – Дикрай, отфыркиваясь, вылез на берег, встряхнулся, словно мокрый кот. – Слишком большая глубина, хотя видно все, как на ладони.

– И что вы видели? – к ним подошел Ягорай, держа свиток со старой картой.

– В середине – огромное здание, то ли дворец, то ли храм, от которого лучами расходятся улицы. Дома добротные, каменные, украшены резьбой. Следов разрушений не видно.

– Лучами... – пробормотал рю Воронн и развернул карту. – Нарисуй!

– Здесь? – удивился Денеш.

– Да, здесь!

– Ну хорошо, дай только обсохнуть.

Пока оборотни сохли у костра, остальные занялись приготовлением завтрака, нет-нет, да поглядывая на видимые под водой белеющие башни.

– А вдруг это и правда Лаартен? – спросила Вителья у Яго.

Судя по одобрительным взглядам остальных, они думали о том же.

– Это означает сразу две вещи, – улыбнулся он. – Первое, мы проверили Сказку о спящем красавце из нашего списка и можем смело ее вычеркивать, потому что могильника тут нет, и второе – мы напоролась на еще одну легенду...

– И к каким последствиям это приведет – стр-р-рашно подумать, – промурлыкала Тариша, обтираясь об Денеша.

От одежд оборотней шел пар – утром в горах было прохладно.

Вителья отвернулась и посмотрела на озеро. Слова фарги царапнули по сердцу. Как ни любила волшебница приключения, последствия выходили уж слишком непредсказуемыми!

Дикрай забрал у Яго карту и, склонившись над ней, что-то чертил.

– Ты, как в детстве, солнышко, что ли, рисуешь? – заглянув ему через плечо, спросила проходившая мимо Торусилья.

Оборотень чиркнул последнюю линию и протянул карту Ягораю. Вита повернулась, чтобы посмотреть. На карте действительно было нарисовано что-то похожее на солнце. Круг обозначал, по всей видимости, городские границы, прямые улицы лучами расходились от центра.

– Дай! – вдруг сказал Дробуш.

Забрал у опешившего Дикрая самопишущее перо, а у рю Воронна – карту. Что-то подрисовал и вернул карту Яго с комментарием:

– Схема!

Ягорай потрясенно смотрел на рисунок. Вырвиглот не добавил ничего лишнего, он просто продлил улицы... до кружков, обозначающих Поляны смерти! Линии получились идеально ровными. Перед глазами рю Воронна был круг, заключенный в другой круг и соединенный с ним прямыми!

Карта пошла по рукам. Все молчали, понимая, что тайна ширится и живет своей жизнью.

– Получается, те развалины, что были спрятаны под газоргами, имеют отношение к городу? – растерянно спросила Тори.

– Похоже на то, – кивнула Руфусилья. – Значит все-таки форпосты!

– А чаши, чтобы умывать нарушителей границы? – хмыкнул Грой.

Гномелла метнула в него сердитый взгляд.

– Все-все, я больше не смеюсь, – миролюбиво сказал оборотень. – Я просто хочу сказать, что спустя столько времени трудно понять, в качестве чего использовался тот или иной предмет. Мы можем думать что угодно – и очень ошибаться!

– Как бы то ни было, могильника здесь нет, – Вителья оглядела остальных, – я, конечно, попрошу Ее Могущество взглянуть на это место, но думаю, нам пора отправляться дальше. Возможно, когда-нибудь у нас будет время и желание разгадать и эту загадку, но не сейчас.

– Не сейчас... – согласно кивнул Грой.

Вита посмотрел на Яго. Знала, что он предпочел бы побыть здесь, видела это в его глазах, но время неумолимо уходило, а количество могильников почти не уменьшилось!

Рю Воронн свернул карту, убрал в пенал на поясе, сел на место и спокойно сказал:

– Тогда отправимся после завтрака.

– Вот и я так думаю! – махнула топориком Тори, чуть не снеся голову Тарише. – Хорошее дело надо начинать на сытый желудок!

* * *

Предзакатное солнце заливало комнату по-осеннему холодным светом. У окна, на кушетке, Ванилла рю Дюемнон кормила грудью маленького Людвина. Стояла тишина, которую не хотелось нарушать. Принцесса Брунгильда и не нарушала. Сидела напротив в удобном кресле, обложившись подушечками и, затаив дыхание, следила за процессом. Она наблюдала его не в первый раз, но как и в первый, ей казалось, что она видит чудо.

– Подержишь его? – улыбнулась Ванилла, когда младенец, чмокнув, отлепился от ее обширной груди. – Помнишь, как я тебя учила? Головой на плечо, чтобы срыгнул.

Бруни кивнула и протянула руки.

– Иди сюда, Лягушонок!

Данное Его Величеством прозвище прилипло к маленькому рю Дюемнону намертво. Впрочем, он не возражал, но что самое удивительное, не возражала и Ванилла, всегда бывшая щепетильной в подобных делах.

Бруни прижала Людвина к себе и прикрыла веки. Завернутый в пеленки младенец был теплым и пах чем-то, от чего у нее сжималось сердце. Будто в ответ, в животе лягнулась «коняшка», и у принцессы перехватило дыхание.

– Быть ему генералом! – констатировала Ванилла, наблюдая за подругой.

– Кому? – простонала та, переложила Лягушонка на другое плечо и попыталась сесть поудобнее.

– Рэду, конечно, – фыркнула Ванилла. – Вишь, какой воин растет! Герой!

Дверная створка приоткрылась и сказала интеллигентным голосом:

– Я, конечно, извиняюсь, но наследному принцу пристало быть королем, а не генералом.

– Григо, кыш отсюда! – не желая разбудить Людвина, шепотом закричала Ванилла. – Вот ведь уши!

– Очень красивые уши, прошу заметить, – также интеллигентно ответила дверь и закрылась.

Бруни смеялась, стараясь не трясти спящего младенца.

– Кто бы мог подумать, что морковка имеет сей побочный эффект, – задумчиво сказала Ванилла, разглядывая Людвина так, будто видела впервые. – Правду говорят, не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Бруни, ты сегодня поедешь в город?

Принцесса кивнула. Младенец все-таки срыгнул, и она, сосредоточенно сдвинув брови, вытирала ему ротик краем пеленки. Кривящийся в неудовольствии ротик был такой маленький, что дотрагиваться до него было страшно.

– Ты бы завязывала с поездками, тяжело же, – вздохнула Ванилла, – да и вообще, пора отсыпаться, потому что после не выйдет, это я тебе как знаток говорю! Ты, конечно – Твое Высочество, но зная тебя, я ни за что не поверю, что ты ребенка скинешь на няnek. Сама будешь с ним прыгать и днем, и ночью.

– Арк обещал помочь, – ответила Бруни. – Ой, Ванилька, он собирается заплакать!

– Поможет он, как же! – хмыкнула подруга и протянула руки. – Давай сюда этого скандалиста. Ну вылитый папенька – как что не по его, начинает вопить!

– А мне кажется, это больше в мамочку, – хихикнула принцесса и спохватилась: – Я же не просто так пришла. Мне нужна твоя помощь!

– Если речь о свадьбе папаши, то от меня помощи не жди! – посуровела Ванилла. – Я эту змею Туссиану Сузон в семью не приму.

Бруни кротко вздохнула. Строптивая подруга никак не желала мириться с очевидным. А именно с тем, что Пип «по самый поварской колпак», как он говорил, влюбился в «змею Туссиану». Между тем, свадьба приближалась. Первоначально ее планировали на «золотые дни», но из-за назначения Селескина главным королевским поваром, пришлось сдвинуть дату ближе к зиме. Одновременно, в спешном порядке шел ремонт в совместно купленном Пипом и Туссианой двухэтажном доме в Сакральном квартале, откуда до дворца было рукой подать. Конечно, Пипу полагались личные покои в замке, и поначалу он оставался в них ночевать. Однако Пип был поваром с опытом, и, несмотря на все опасения, особых трудностей на новой работе не встретил. Необходимость дневать и ночевать на дворцовой кухне отпала, а мужчине в расцвете лет, что ни говори, в кровати лучше с любимой женщиной, чем без нее!

– Нет, не о свадьбе, – качнула головой Бруни. – Видишь ли, сегодня третий день четвертой седмицы второго осеннего месяца...

– Да? – удивилась Ванилла. – Как время летит, уже и осень почти прошла! Будем отмечать?

– Будем, – улыбнулась принцесса, – но в хорошей компании. Ты не против?

– А высокие красивые офицера там бу...? – Ванилла осеклась, посмотрела на Лягушонка, снова затихшего на ее руках, и кротко вздохнула.

– У тебя муж высокий и красивый, – засмеялась Бруни, – к тому же он подарил тебе Людвина!

– Эй, это я его ему подарила! – возмутилась подруга.

– Не ругайтесь, это был обоюдный подарок, – раздалось из-за двери.

Ванилла прищурилась.

– Вы абсолютно правы, уважаемый господин секретарь, – проворковала она, поднимаясь с кушетки и подкрадываясь к двери, – как приятно поговорить с умным человеком!

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул удивленный Григо.

– Дорогая Ванилла, как приятно, что ваше настроение...

Госпожа рю Дюеммон сунула ему в руки Людвина и торжествующе провозгласила:

– Поэтому именно вы, господин секретарь, побудете с Лягушонком, пока мы с Ее Высочеством займемся делом! Вот так-то!

– Эй, это нечестно! – возмутился Григо. – Ваше Высочество, скажите ей!

– Подслушивать нехорошо, мой друг, – усмехнулась принцесса, – так что быть вам сегодня нянькой. Отдайте коробку!

- Какую коробку? – заинтересовалась Ванилла.
- Вот эту, – Григо протянул Бруни длинную коробку из красного дерева.
- А что в ней?
- Принцесса взяла Ваниллу под руку и повела из комнаты со словами:
- Это подарок.
- Подарок? Кому?
- Эй, а как же мы? – окликнул их секретарь.
- А вы качайте Людвина, Григо, – обернулась Бруни и нахмурилась. – Это приказ!
- И почаще принимайтесь, – посоветовала Ванилла.
- Но зачем? – растерянно спросил Хризопраз.
- Как думаешь, поймет – зачем? – захихикала Ванилла.
- Даже и не знаю, – засмеялась в ответ принцесса.

* * *

Архимагистр Никорин озадаченно почесала в затылке и обошла стол, посередине которого, на обеденном подносе сидела здоровенная лягушка, иногда открывала пасть и произносила важное: «Ква!»

– На моей памяти такое впервые, – пробормотала Ники, – или у меня началась старческая забывчивость?

– Ваше Могущество, вы о чем? – подала голос черноволосая волшебница.

Ники покосилась на гостей. Вителя и Альперт, сидящие на стульях рядом, походили на нашкодивших детей, ждущих наказания. Третьим был Вырвиглот, который не походил ни на кого, кроме себя. Архимагистр оглядела его и подумала, что если бы не артефакт, изменяющий истинную сущность тролля, ей пришлось бы ремонтировать свои покои.

– О-хо-хо... – пробормотала она.

Вернулась за стол, сдвинула поднос с лягушкой на угол стола и взглянула на Вителью. Девушка вскинула голову – боится, но бояться не желает! И вину всю на себя возьмет, не иначе...

– Ваше Могущество, я знаю, что мы не должны были ничего приносить из чужого мира в наш! – горячо воскликнула Вита, подтверждая ее мысли. – Кроме того, руководство операцией поручено мне, и решение спасти Марью принадлежало тоже мне! Я готова понести наказание, каким бы суровым оно ни было, но умоляю вас, помогите ей!

– Ваше Могущество, это неправда, – наяранным голосом произнес стажер Попус, – мы вынуждены были забрать Марью, чтобы спасти ей жизнь. Решение мы принимали сообща!

– Не было решения, – негромко сказал Дробуш и не отвел взгляда, когда архимагистр уставилась на него своими невозможными глазами, – мы действовали согласно ситуации.

Ники сцепила пальцы перед собой и не без удовольствия посмотрела на Вителью.

– Для адепта у тебя слишком много тайн, девочка моя, – пропела она, – так не пойдет! Может быть, ты, наконец, представишь мне своего друга Дробуша Вырвиглота? Я имею в виду – ПРЕДСТАВИШЬ!

Последние слова прогремели, будто гром. Вита побледнела. Альперт смотрел в сторону, и у него было несчастное лицо человека, который понимает, что наделал ошибок, но собирается продолжать их делать.

Дробуш покосился на Виту и потянулся к висящему на шее амулету.

– Амулет не снимать! – рявкнула Ники так, что Попус подскочил на стуле. – Иначе, парниша, будешь возводить башню заново.

– Я догадывалась, что вы знаете... – Вита взяла Дробуша за руку. – Ваше Могущество, это Дробуш Вырвиглот, равнинный тролль, с которым мы познакомились, когда бежали из Крея.

Ники взглянула на Альперта.

– А вы, стажер, в курсе?

Тот растерянно кивнул.

– Вы умны, Попус, но вам не хватает решительности, – ласково произнесла архимагистр, – отчасти именно по этой причине я определила вас к Призракам. Учитесь у Виты – она не всегда учитывает последствия, но решительности ей не занимать.

– От Дробуша не бывает никаких последствий! – возмутилась Вителья.

– Вот я и говорю – не учитываешь, – невозмутимо повторила архимагистр. – Твое счастье, что когда вы впервые появились в Вишенроге, магистру Фофину, ослепленному красотой крейской гостыи, не пришлось в голову посмотреть на Дробуша сквозь те простенькие чары, что ты на него наложила. И, слава Пресветлой, никому не пришлось!

– А как же вы? – не выдержал Альперт.

– Мальчик, я уже давно вижу вещи такими, какие они есть, никакая магия мне для этого не нужна, – покачала головой Ники. – Если бы это была не я, Дробушу грозило бы немедленное уничтожение, а Вите – лишение звания мага, и обвинения – от контрабанды оружия до черного колдовства. Но, конечно, когда она тащила тролля в город, она об этом не думала...

– Она меня не тащила! И я не оружие! – прогудел Дробуш.

Ники перевела на него лазоревый взгляд.

– А кто же, парниша? Ты – существо, созданное богами в незапамятные времена для несения защитно-караульной службы, орудие убийства и уничтожения, альтернатива драконам, более управляемая, чем они, но не менее мощная. Что, я тебя спрашиваю, ты делаешь в городе, полном живых существ? Разве ты должен здесь находиться? Разве я, как архимагистр, не должна предотвратить ТАКУЮ угрозу для ласурцев?

Вита вскочила, машинально закрывая Вырвиглота собой. Для Ники зрелище выглядело забавным, однако она почувствовала, как уплотнился и загудел воздух вокруг молодой волшебницы, которая пока еще не могла контролировать себя с таким хладнокровием, с каким это делала сама Никорин. Ох, не пришлось бы, все-таки, делать в башне ремонт!

– Ваше Могущество, можно мне сказать? – Альперт неожиданно поднялся со стула и встал рядом с Вительей. – Если вы все это время наблюдали за Дробушем, зная, кто он такой, и не вмешивались, значит, считаете, что он не представляет опасности для людей, так?

Ники откинулась на стуле и усмехнулась. Упрек в отсутствии решимости принес свои плоды!

– Ну, предположим, – ответила она.

Попус переступил с ноги на ногу и продолжил, не обращая внимания на взволнованный взгляд Вительи:

– Согласно статье пятьсот пятой Ласурского магического кодекса вы имеете право, минуя Ковен, выдавать лицензии на владение особенно ценными или могущественными артефактами, которые силой воздействия могут быть приравнены к заклинаниям массового поражения, так?

Ники оглядела с его интересом людоеда, выбирающего у жертвы наиболее аппетитную часть тела, и процедила:

– Та-а-ак...

– Дробуш Вырвиглот может быть причислен к артефактам такого уровня по крайней мере по двум причинам: как существо, во-первых, имеющее возраст гораздо старше Вечной ночи, и, во-вторых, обладающее собственной волей. Выдайте Вителье Таркан ан Денец соответствующую лицензию, и у Дробуша появится официальное право находиться на территории Ласурии!

Вита нашла руку Альперта и благодарно сжала. Лягушка Марья с угла стола разглядывала Попуса восторженными, почти голубыми глазами... Маг впервые в жизни ощутил себя героем.

А Ники подумала, что ей ужасно хочется напиться. И даже дрожащий от напряжения голос Вительи не спугнул это желание.

– Выдайте лицензию самому Дробушу, Ваше Могущество! – воскликнула крейка. – Он мне не раб и не слуга! Он – друг, один из самых верных, кого я знаю, неужели вы не понимаете?..

В ее голосе прорвались слезы, и волшебница замолчала, опустив голову и скрыв лицо под волосами.

Архимагистр постучала пальцами по столу, в который раз радуясь своему умению находить таланты.

– Возвращайтесь к миссии, – наконец, произнесла она. – Насчет тролля я буду думать.

Альперт шагнул к столу, намереваясь взять на руки лягушку, однако Ники остановила его движением узкой ладони.

– Земноводное останется здесь, – отчеканила она.

– Зачем? – голос мага дрогнул, и Никорин взглянула на него внимательнее.

– Прежде чем решить проблему, мне нужно ее изучить, – чуть мягче сказала она. – Ступайте!

Альперт порывался еще что-то сказать, но Вырвиглот за рукав потянул его в сторону порталных плиток.

Спустя мгновение Ники осталась наедине с лягушкой и заметила, что та наблюдает за ней – без страха, но с интересом. Этот интерес, притаившийся в самой глубине голубых глаз, которые уже начали затягиваться зелено-коричневой мутью, дарил надежду.

– Так, девонька, сначала уберем тебя со стола, – пробормотала Ники и начала плести заклинание.

Через некоторое время под одним из окон появился большой аквариум.

Архимагистр подумала и добавила в него камыша и кувшинок. Потом подумала еще и заколдовала утку.

– Вот тебе компания, милая, – хмыкнула она, – все не так скучно. Отправляйся-ка к подружке!

Неведомая сила подняла лягушку в воздух, она хаотично задергала лапами и недовольно заворчала, но сразу же успокоилась, оказавшись в воде.

Убедившись, что лягушке удобно, Ники вернулась к столу и полезла в верхний ящик, где всегда стоял штоф гномьего самогона. К сожалению, он был пуст.

– Кракенские блохи! – выругалась архимагистр. – Придется на трезвую голову...

Она отошла подальше от аквариума, рухнула в воздух, как в кресло, закинула ноги на невидимую подставку, а руки – за голову и произнесла:

– А теперь давай-ка на тебя посмотрим...

* * *

Дорожки дворцового сада и Аптекарского огорода были щедро усыпаны золотыми, покорно мокнущими листьями – по нитям дождя, связавшим небеса и землю, спустилась в Ласурию настоящая осень.

Мастер Артазель всегда думал, что родился на границе сезонов. И хотя его день рождения приходился на последнюю седмицу второго осеннего месяца, – казалось бы, осень давно и прочно вступила в свои права! – но именно в это время погода в Вишенроге менялась, заставляя жалеть о прежних тепле и сухости.

В былое время в этот день мастер тосковал о родителях и друзьях. Потом долго пытался забыть, на какую дату приходится его рождение. А сейчас вдруг вернулась прежняя тоска. Что было тому виной? То ли уныло тянувшиеся к горизонту караваны облаков, похожих на

вымокшего горноста с королевской мантии, то ли явственная тревога, мелькавшая в разговорах клиенток, приходивших на примерку, то ли общая атмосфера, наполнившая Вишенрог.

Артазель коротко вздохнул и посмотрел на платье, которым сейчас занимался. Платье цвета загара, украшенное кружевами, стояло на подставке и вызывало у маленького мастера откровенную скуку, за что он на себя сердился – не любил, когда работа не доставляет удовольствия!

Платье принадлежало Оридане. Высокая талия и обилие ткани спереди были призваны скрыть животик, появившийся у Ее Высочества, а кружева являлись постоянным – и обязательным! – дополнением к любому ее наряду. Кружева принцесса признавала только гаракенские, поэтому раз в месяц Артазель посредством зеркала связи общался с поставщиком тканей Гаракенского королевского дома, который демонстрировал ему новые образцы. А потом делал заказ, оплачивая его из дворцовой казны. Артазель хоть и восхищался искусством гаракенских кружевниц, но белые полоски ткани с растительными узорами казались ему до ужаса одинаковыми.

Раздавшийся в коридоре шум насторожил гнома. В свое время Артазель тщательно выбирал из предложенных покои по душе, и тишина была одним из главных факторов. А сейчас слышался топот, хихиканье и... мощный голос Клозильды Вистун, дворцовой кастелянши.

От стука в дверь маленький мастер подпрыгнул и впал в гнев, отчего тут же позабыл про тоску. Он решительно направился к входу, поскольку вознамерился сделать вопиющий по количеству яростной иронии выговор нарушителю покоя. С силой, которую сложно было ожидать в невысоком гноме, толкнул створку и застыл, увидев прямо перед носом огромный поднос, уставленный яствами, в центре которого на серебряном блюде лежала гора свежее испеченных баблио и... вафель Ее Высочества Бруни.

– А дайте-ка я поцелую именинника! – раздалось глубокое контральто матроны Вистун, и Артазель воспарил в воздух белой лебедью, даже не успев пискнуть.

Горячие губы Клози поцеловали его в лоб, нос и щеки.

– Ой, прости, Твое Высочество, что я оказалась первой! – воскликнула матрона, легко удерживая на одной руке поднос, а на другой – портного. – Не удержалась!

Она поставила мастера на пол и уважительно поклонилась.

Артазель, который все это время пытался заорать, закрыл рот, разглядев за ее необъятной спиной принцессу Бруни и Ваниллу рю Дюемнон.

Бруни улыбалась так тепло, что у гнома заболело сердце, будто он увидел что-то давно забытое... Словно запахло чем-то родным, родом из детства...

– Наш дорогой искусный мастер, – воскликнула принцесса, – в Ласурии принято справлять Дни рождения, угощаться, петь песни, танцевать и дарить подарки! Вы готовы?

– К... к чему? – заикаясь, спросил Артазель.

– К празднику, конечно! – легко отодвинув его бедром и проходя в комнату, прогудела Клози. – Куда ставить?

– Где прикажете накрывать на стол? – тоже спросила Ванилла, и гном разглядел в ее руках еще один поднос с бутылками, бокалами и тарелками с разными сырами.

– Может быть, попросить, чтобы принесли какой-нибудь стол из соседних помещений? – спросила Бруни, целуя портного сначала в одну щеку, а потом в другую.

– Не надо! – испугался тот. – Я сейчас освобожу стол для выкроек, он как раз у окна.

Артазель засеменял к окну, чувствуя в душе одновременно раздражение и радость. Раздражение, оттого что его привычный покой был потревожен. И радость оттого, что был потревожен его привычный покой...

– У нас и музыка есть, почтенный мастер, – Клозильда достала из декольте сразу несколько свитков. – Кого вы ангажируете не первый танец? Наверное, Ее Высочество?

– Ее Высочество не танцует! – запротестовала Бруни. – Ее Высочество почти не может двигаться. Так что Ее Высочество наляжет на сыр и фрукты, а уважаемая Клози и не менее уважаемая Ванилла будут развлекать именинника танцами.

– Тогда вы ангажируете на первый танец меня, дорогой мастер, – захохотала Клози. – Ведь, правда, ангажируете?

Артазель задрал голову, умудрился смерить взглядом кажущуюся рядом с ним горой даму, и сердито кивнул, ибо выбора у него не оставалось.

– Сейчас мы выпьем и начнем веселиться! – провозгласила Ванилла, разливая по бокалам легкое гаракенское вино (Бруни досталась самая капелька). – Как раз гости подтянутся...

Гном обреченно сел на стоящую рядом со столом портновскую табуретку и переспросил:

– Гости?

– Ка-а-анечна, гости! – раздался от двери вопль.

В комнату ворвался сиренево-салатово-оранжевый вихрь. Встреть такое сочетание цветов в наряде какой-нибудь дамы, Артазель немедленно рухнул бы в обморок! Но костюмы для Короля Шутов, Повелителя Смеха, Господина Шуток и Хозяина толп он шил сам, иногда к своей радости, а иногда, как в случае этого костюма, к великому своему сожалению.

– Подарок! – воскликнул Дрюня и сунул в руки ошарашенному гному здоровенную позолоченную супницу. – Понятия не имею, что это за хрень, но думаю, вы найдете, как ее использовать. С Днем Рождения, любимый мастер, – становясь серьезным, продолжил он. – Без вас и дворец не дворец, и Вишенрог не Вишенрог, и одеваться по утрам не хочется!

В сердце маленького мастера что-то дрогнуло от этих слов.

Ванилла рассмеялась и, обняв мужа, смачно поцеловала его в губы.

Дверная створка приоткрылась. В покои осторожно заглянул мэтр Жужин.

– А вот и вы, Ожин, – обрадовалась Бруни и с утиной грацией поспешила к целителю. – Заходите, мы даже еще не выпили за здоровье именинника!

– Благодарю, Ваше Высочество, – поклонился тот, – как вы себя сегодня чувствуете? Вы помните, что пить вам не следует?

Принцесса заулыбалась:

– Нельзя плохо себя чувствовать в день, когда родился такой замечательный гном. И потом, вы сами разрешили мне бокал гаракенского в седмицу... Вон он, видите? Стоит и ждет меня!

Ожин облегченно кивнул.

– Ну тогда все хорошо, Ваше Высочество! Где именинник?

– Вот он, – заорал Дрюня, – выглядит как настоящий именинник! Вот ему бы еще улыбнуться...

Артазель с ненавистью посмотрел на шута и попытался раздвинуть губы в любезной улыбке – мэтра Жужина он уважал, как профессионал – профессионала.

– Мой дорогой мастер! – воскликнул целитель, подходя и кланяясь со всем уважением. – Очень жаль, что я раньше не знал о вашем празднике! Надеюсь, теперь, с легкой руки дорогой принцессы Брунгильды, мы будем праздновать это замечательное событие каждый год.

Гном молча кивнул. Он чувствовал себя так, будто его раздели и поставили на стол в центре комнаты, полной людей.

– Это вам, уважаемый мастер, – Ожин протянул какую-то книгу, – зная вашу любовь к вышивке, я взял на себя смелость разыскать сей раритет. Надеюсь, вы сможете использовать рисунки в качестве эскизов!

Фолиант дышал стариной. Позабыв о столе в центре комнаты, Артазель с трепетом протянул к подарку руки – гном понимал толк в настоящих вещах!

– Это же... – пробормотал он, открывая книгу.

– Совершенно верно, – кивнул Ожин. – Один из семи великих рисовальщиков Тикрея, мэтр Маффин Шаблин и его «Описание простых и садовых растений, распространенных в Ласурии, с рисунками и комментариями». Мне кажется, среди этих прекрасных цветов найдутся те, что украсят платья наших дам.

– Почему же только платья? – Артазель лихорадочно листал фолиант. – Вот эта плеть плюща... Ах, какая глубина деталей! Или вот этот куст чертополоха? Он великолепен! Растительные орнаменты никогда не выйдут из моды, ибо мы есть такое же порождение матери-природы, как и растения! Мэтр, – гном поднял глаза на целителя, – вы подарили мне пищу для ума, вкусную и обильную! Благодарю от всего сердца! – и он поклонился.

Ожин, довольный улыбаясь, поклонился в ответ и потянул породистым носом:

– А чем это так вкусно пахнет? Неужели...

– Идите за стол, – на правах хозяйки праздника пригласила его Бруни, – и отведайте моих вафель. Тесто замешивала я сама, а пекла Ванилла.

– И то после того, как я отогнала Ее Высочество от плиты с использованием непроизносимых в приличном обществе выражений, – пояснила та. – Да, мэтр, я знаю, вы не танцуете, вот и развлеките нашу принцессу разговором! А мы будем танцевать!

– Да! – рявкнула матрона Вистун и сорвала оплетку с одного из музыкальных свитков. – Почтенный мастер, вы же помните, что первый танец – мой?

– Разве я могу забыть такое? – развел руками Артазель.

Мэтр Жужин, опустил на соседний с Бруни стул, ойкнул и вскочил – на сиденье оказалась коробка из красного дерева.

– Простите! – испугалась принцесса, хватая коробку и прижимая к груди.

– Что это? – заинтересовался Ожин.

– Самый главный подарок, – шепотом произнесла Бруни, – о нем мечтают все портные Тикрея, но ни у кого его нет. А у нашего Артазеля – будет!

– Так что же это? – тоже понизив голос, спросил мэтр.

Впрочем, голос уже можно было не понижать – веселая музыка звучала достаточно громко. Пары Дрюня и Ванилла, Клози и Артазель, кружились в центре комнаты. Точнее, во втором случае, кружилась только матрона, держа маленького мастера на руках...

– Что вы знаете от Топенкоге? – блестя глазами, спросила принцесса.

* * *

Архимагистр Никорин не любила неразрешенных проблем. Многолетний опыт показывал, что рано или поздно неразрешенная проблема порождает множество других неразрешенных проблем, а это уже совсем другие усилия!

История девушки Марьи из другого мира сердце Ники не тронула: примеров предательства и подлости было полно и в Ласурии, архимагистр давно научилась относиться к ним если не равнодушно, то спокойно. Однако зудело комаром в сознании ощущение нарушенной гармонии. Ощущение, которое с некоторых пор стало появляться у Ники слишком часто.

За окнами давно стемнело. Внизу, в гавани, зажглись редкие огни. Чуть дальше факелом светил Вишенрогский маяк. Никорин, до этого момента сидящая с открытыми глазами и абсолютно неподвижно в невидимом кресле, шевельнулась, со стоном потянулась и отвела, наконец, взгляд от аквариума. Земноводное дремало на листе кувшинки, не обращая внимания на покачивающуюся рядом на воде утку.

На столе дымился в любимой кружке Ее Могущества морс, рядом стоял накрытый крышкой поднос с ужином – Брут постарался, молодец. Ники потянула носом – пахло из-под крышки пряным рыбным филе и ржаными сухарями. Она бросила взгляд на часы – поздновато уже и для ужина, и для разговоров с задушевым врагом, ну да ладно. Потерпят – и талия, и враг!

Когда поднос опустел, Ники сделала первый глоток морса и откинулась на спинку стула, гадая, захочет ли собеседник пообщаться среди ночи?

Изображение в зеркале связи появилось не сразу, а когда появилось, Ники увидела, что Сатанис даже не ложился. Крейский архимагистр отложил книгу, которую читал и посмотрел на архимагистра Ласурского.

– Долгие лета Твоей Мудрости, – проворковала Ники, – в твоём возрасте следует соблюдать режим, а не нарушать его. Нужно больше заботиться о своём здоровье!

– Мой возраст, как и твой, позволяет отделить важное от второстепенного, – ухмыльнулся старик, нацелившись на Никорин своим выдающимся носом. – Ты предпочитаешь разговор со мной мягкой перине или мускулисту телу какого-нибудь горячего самца?

– Первому, – поморщилась Ники, – все подходящие самцы нынче заняты.

– Я слышал, в Вишенроге становится все опасней? – в скрипучем голосе Сатаниса звучала издевка. – Прекрасное время для Крея, не так ли?

Архимагистр аккуратно поставила кружку на стол:

– Хотите напасть на нас?

Сатанис помахал книгой из стороны в сторону.

– Не передергивай, красавица, я этого не говорил! Я лишь отметил, что было бы неплохо...

– Какой же ты негодяй, Твоя Мудрость, – ухмыльнулась Ники. – Жаль, что нам не было позволено сойтись один на один в прежней войне вместо наших армий. Мы спасли бы столько невинных жизней!

– Не бывает невинных жизней, – пожал плечами архимагистр Крея, – виновны все, в том или в этом, так или иначе, сейчас или потом... Но ведь дело в другом. Дело в том, кому и ради чего мы служим.

– И ради чего служишь ты, Сатанис? – прищурилась Ники. – Излей душу. Тебя никто не поймет так, как я!

– Ради порядка, Никорин, – пожал плечами старик. – Порядка, который несет благоденствие!

– Единый порядок? – хмыкнула Ники. – Ну конечно! Зачем Крею многообразие жизни, когда можно загнать всех в одни и те же рамки? А ничего, что многие не захотят в рамки?

– Такие перестанут существовать, – невозмутимо сказал Сатанис, – зачем Крею проблемы? Или ты с Креем или против, все просто.

– Это шепчут ваши боги? – чуть приподняла верхнюю губу Никорин, становясь похожей на фаргу.

Сатанис отложил книгу. Не менее аккуратно, чем немногим раньше она поставила на стол свою кружку.

– Наши боги спасли мою страну во время Вечной ночи и хаоса, порожденного ею. И не просто спасли – сплотили народ, раздвинули границы, позволили людям жить в спокойствии и достатке. Так будет с каждым, кто перейдет под наше крыло. Остальным нечего делать на Тикрее!

Ники откинулась на спинку стула.

– Вон как нынче считают в Крее, – протянула она. – Война ничему вас не научила?

Сатанис поднял брови.

– А должна была?

Никорин уставилась на старика с изумлением.

– Разве множество ваших мужчин не погибло? Разве ваши женщины не остались вдовами, а дети – сиротами? Насколько я знаю, Крей понес существенные потери. Потери, от которых вы не можете оправиться до сих пор!

– Всеу свое время, – пожал плечами Сатанис. – Погибшие отдали жизнь за благоденствие живущих и сейчас счастливы в чертогах Пантеона. Война объединила наш народ, теперь мы знаем, что способны противостоять Ласурии...

Он замолчал.

– То есть, собираетесь противостоять? – уточнила Ники. – Сатанис, враг мой, мне казалось, твоя мудрость не ведаёт границ, но вот поди ж ты, она уперлась в маниакальную идею и рассыпалась в прах. Я не верю тому, что слышу!

Крейский архимагистр наклонился вперед. Казалось, его нос сейчас проткнет амальгаму и появится в кабинете Никорин отдельно от владельца.

– Ты слышишь чаяния народа и его Правителя, – тихо сказал он. – Мое личное мнение не играет никакой роли, ибо асурх жаждет реванша, и Боги ему благоволят. Даже если бы я не хотел войны на Тикрее, это вопрос решенный.

Ники качнула головой:

– О-хо-хо, Сатанис, чему быть – тому не миновать... Но лучше бы этого не случилось! Не сейчас!

Старик вдруг улыбнулся.

– Если тебя это успокоит, красавица, я скажу, что сейчас Крей не готов к войне. При всем нашем желании мы вынуждены выжидать. Мы даже пропустим столь удачно складывающуюся для нас ситуацию с угрозой Вишенрогу.

– Почему же? – Ники старательно скрывала напряжение, которое грозило прорваться в голосе – знала, что ответ Сатаниса ей не понравится.

– Потому что в этот раз перемирия не будет, – Крейский архимагистр смотрел на нее, как смотрят на сломанную или уже ненужную вещь. – Не будет никаких договоров и передела территорий, не будет протектората... Мы победим – окончательно и бесповоротно. Как ты понимаешь, Никорин, чтобы подготовиться к такой войне нужно время!

– О, я понимаю, Твоя Мудрость, – улыбнулась Ники, однако выражение ее глаз напоминало о торосах льда, тянущихся на много километров, – кроме того, для такой войны нужны средства... Особые средства, не так ли?

Во взгляде Крейского архимагистра на долю секунды промелькнула растерянность, и Никорин поняла, что попала в точку. Придется ей раскошелить Его Светлость рю Вилля на высококлассных шпионов!

– В почтенном возрасте есть одна незаметная подлость, – расслабившись, Ники откинулась на спинку стула, – становясь опытнее, человек начинает думать, что ему позволено больше, чем другим. Но, к сожалению, это не так... Есть границы, которые не стоит переходить как в прямом, так и в переносном смысле.

– О каких границах ты говоришь? – нахмурился старик. – Я же сказал, что сейчас мы не будем нападать на Ласурию!

– Я вовсе не о Ласурии, – ухмыльнулась Ники и склонила голову, прощаясь.

Зеркало погасло – Сатанис не успел сказать последнее слово, волшебницу это вполне устроило.

Встав из-за стола, она подошла к аквариуму: лягушка дремала, привалившись к утиному боку, и казалась измученной. Повинуясь жесту архимагистра, утка накрыла земноводное крылом, будто одеялом.

– Спи, несчастное дитя своих родителей, – пробормотала Ники, разглядывая переливающуюся в темноте плеть заклинания с вплетенной в него чужеродной нитью, – спи, цена сделки, детали которой мне пока неизвестны. Не стоит человекам любить богов, ох, не стоит! Спи!

Далеко внизу, в гавани, погасли последние огни. Будто миры, которые кто-то уничтожил один за другим.

* * *

Когда по утрам на траве начала появляться изморозь, а ночевать в обнимку с Ранишей стало комфортнее в звериной ипостаси, Зохан Рысяш понял, что его время пришло. Оборотни всегда держали слово, даже данное самому себе, и дабы не поддаться слабости и не передумать, он положил себе сроку три дня.

Три дня до побега.

За это время следовало закончить свои дела с тем, чтобы уходить в новую жизнь налегке и без сожалений. На деньги, накопленные за продажу шкурок белок и куниц, он купил у странствующего торговца красивый серебряный браслет и подарил Ранише. Та обрадовалась, как девчонка. Вертела тонкой рукой, разглядывая украшение со всех сторон. И только справившись с первой радостью, вопросительно взглянула на Хана. Он не стал ходить вокруг да около и сказал:

– Мне хорошо с тобой, Раниша, и я знаю, что и ты довольна мной. Но если ты встретишь свою пару – я не стану удерживать тебя и пожелаю долгой жизни и многих детенышей. Хочу, чтобы ты знала и не обижалась на меня...

Подойдя, фарга куснула его за подбородок. В ее глазах плескалась грусть, но грусть светлая, не отягощенная ни ревностью, ни яростью.

– Спасибо, что честен со мной, Хан, – ответила она, так и не поняв, что он прощается с ней. – Хорошо, когда сердце не мучается перед выбором, правда?

Он кивнул. Его сердце не мучилось выбором, а бешено желало ускорить побег. Но три дня! Он дал себе три дня.

В эти дни он был необычайно ласков с матерью, старался помогать ей больше, чем обычно, жадно смотрел в ее красивое лицо и мысленно просил прощения. Зохан знал, Шамиса будет в бешенстве, когда узнает, что он сбежал. Но знал и другое – она поймет его. Когда схлынет негодование, когда она перестанет надеяться на возвращение младшего сына, она успокоится и будет ждать от него весточки.

Лишь одно продолжало тяготить Хана – ссора с Рубиной. Они не виделись с того самого разговора. Оборотень исправно приходил на заимку, но даже запаха девчонки не ощущал. Видимо, она решила позабыть о нем и вовсю готовилась к свадьбе. Однако уйти, не попрощавшись, Зохан не мог. И потом, он обещал ей, что скажет о побеге, а оборотни всегда держали данное слово!

Он отправился в деревню рано утром, ступая бесшумно, как и полагается рыси, выслеживающей добычу. Прокрался на двор, рыкнул на собаку, да так, что та, заскулив, спряталась в будке. Руби доила корову в хлеву. От запаха свежего молока у Зохана так громко заурчало в желудке, что она, вздрогнув, обернулась. Какое-то время они молча смотрели друг на друга – крупный самец рыси и девушка-подросток. Затем она отвернулась и продолжила свое занятие. Хан перекинулся, обойдя девушку, сел так, чтобы видеть ее лицо.

– Все еще сердисься? – негромко спросил он.

Она дернула плечом.

– Зачем пришел, Хан? Детские игры кончились! Ты – сам по себе, а я теперь невеста: приданое шью, с женихом гуляю, матушка не нарадуется!

– Я рад... – пробормотал оборотень.

Во рту стало горько, будто белены объелся. И правда, зачем пришел? Они уже не дети! У нее своя жизнь, у него – с завтрашнего дня, своя!

Он поднялся, пошел к выходу, на ходу бросив:

– Ухожу завтра в полночь.

И уже на пороге, как стрела на излете, его догнали ее слова:

– Я приду проводить.

Домой он не шел, а летел со всех лап! Значит, у него все-таки есть друг! Такой друг, который поддержит во всем! Поддержит, даже если, покидая Смертей-с-ветки, он совершает ошибку!

А затем он услышал вдали короткий, захлебнувшийся тишиной крик, и встал как вкопанный, прядая ушами и принюхиваясь. Ветер дул в сторону – и от него, и от стойбища, поэтому почуять что-либо было сложно. Но в запахах непрогретой с утра земли, палой листвы, стада косуль, что левее паслись у лесного озера, заячьих троп, появился новый. И такой, что Хан припал на передние лапы и тихо зарычал, сам не понимая от чего: от ярости, от страха или от... вожделения.

«Не стоит бросаться очертя голову к неизведанному, как бы соблазнительно оно не пахло!» Так учил отец. Он в молодости много путешествовал и рассказывал сыновьям о разных местах, в которых ему доводилось бывать, в том числе, о так называемых Полянах смерти. Они располагались в укромных долинах в самом средоточии Синих гор, и были покрыты дивными цветами, источающими аромат, который для всех пах по-разному: для пчел – медоносными, для горных козлов – сочной травой и грибами, которые они обожали, для хищников – свежим мясом. Но тот, кто ступал на подобную поляну, оставался на ней навсегда, умертвленный сладким дурманом.

Запах, который ощутил Зохан сейчас, был отталкивающим и манящим одновременно. Он сводил с ума, заставлял забыть об осторожности и бежать со всех ног к его источнику. Стараясь не терять голову, оборотень короткими перебежками направился к стойбищу, часто останавливаясь и прислушиваясь. До него еще несколько раз доносились крики, рычание, но они постепенно удалились на юго-запад, пока совсем не стихли. А затем ветер переменялся. И принес запахи гари и крови.

Смерти.

Чувствуя, как заходится сердце, Хан помчался вперед и выскочил в круг, образованный первым рядом изб, часть которых уже горела вовсю.

– Мама! – перекинувшись, закричал он. – Ма-а-ам!

И бросился к своему дому, у которого уже занималась крыша.

Внутри, в клубках дыма, почти ничего не было видно, но Хан разглядел лежащее на полу тело, подхватил и выскочил наружу. Кашель рвал легкие.

В широко открытых глазах Шамисы навсегда застыл страх. Ее горло было разорвано, и руки Зохана сразу оказались красными от крови. Упав на колени, он принялся трясти мать: молча, упорно, стиснув зубы. Если слезы и текли по его щекам, он их не замечал.

– Оставь ее, сынок, она ушла по тропе Вечной охоты! – послышался знакомый голос.

Зохан вскочил на ноги, развернулся и... отшатнулся.

Глава клана Смертей-с-ветки был не похож на самого себя. Его глаза горели, как у рыси, смотрящей в ночи на источник света, лицо кривилось, словно у сумасшедшего, а руки тряслись. Прежде мощное статное тело Асаша казалось искривленным и изуродованным, так, словно он долго и тяжело болел, и болезни не было видно конца.

– Старший!.. – всхлипнул Хан, позабыв о том, что он уже взрослый, смелый и сильный. – Старший...

И шагнул к нему, протягивая руки.

– Не подходи! – прорычал Дархан. Только тут Зохан заметил в его руке охотничий нож, с которого капала свежая кровь. – Стой, где стоишь, и слушай меня! За моим домом, под старой корягой, закопан мешок с табаком. В нем ты найдешь немного денег. Забирай их и беги в Вишенрог! Несись со всех лап! Найди лиса-одиночку, что приходил к нам весной, и передай ему...

За спиной Асаша раздался хриплый рык. Хан увидел Ранишу, и, прежде чем успел что-либо сказать, она бросилась на Дархана.

Раниша – с искаженным безумием лицом, вымазанном в крови.

Раниша – в глазах которой плескалась бесконечная выматывающая ярость.

Раниша, больше похожая на ужасающий призрак, чем на фаргу.

Она была слишком молода и неопытна, чтобы противостоять матерому самцу. Глава клана, молниеносно схватив ее за волосы, развернул к себе спиной и одним движением перерезал ей горло. И закричал, в отчаянии запрокинув лицо в низкое осеннее небо, когда она упала у его ног, захлебываясь кровью, но все еще протягивая к нему жадные руки.

Крик оборвался рыданиями.

Хан чувствовал, что сейчас у него остановится сердце. Не в силах смотреть на Асаша, он огляделся и только сейчас заметил других членов клана, бездвижно лежащих на земле. Часть из них была зверски искусана, у многих – перерезано горло. Как у Раниши.

Крыша дома Рысяшей с грохотом обрушилась, взметнув кучу искр. От жара у Зохана заболела кожа.

– Слушай... меня... – медленно, будто с усилием проговорил Асаш. – Найди Лихая Торхаша Красное Лихо и передай, что он был прав – бешеные, числом более ста, идут на Вишенрог, уничтожая на своем пути и своих, и чужих... Торопись, Зохан Рысяш Смерть-с-ветки! Помни это имя, потому что если выживешь – останешься последним из клана!

– А остальные? – закричал Хан, сжимая кулаки. – Это ты убил их?

– Их убили бешеные, пришедшие с Севера. А я добил тех, кого покусали... – Дархан пошатнулся, словно силы его покинули. – Своими руками убил своих детей... Самых сильных они увели... Среди них твой брат, Улиш. Но если встретишь его – беги прочь и не оглядывайся!

– По... почему? – заикаясь, спросил Зохан.

– Потому что теперь он один из них... А теперь ступай! Пусть твой путь будет легок и короток, и все боги Тикрея помогут тебе!

Дархан склонился над Ранишей, тыльной стороной ладони погладил ее по щеке, а потом полоснул себя по горлу. И упал на ее труп, забившись в судорогах. Хан бросился к нему, но было поздно. Остановившимся взглядом он смотрел на рваную рану на плече Дархана Асаша – глава клана Смертей-с-ветки, закончив кровавую и огненную жатву, но не дав болезни пожрать себя, ушел по тропе Вечной охоты туда, где прощаются все грехи.

На какое-то время в голове молодого оборотня не осталось мыслей. Перед глазами было красным-красно, как будто он погрузился в чан с кровью по самую макушку. А затем Хан вновь услышал голос Дархана, звучащий прямо в сознании: «Помни это имя, потому что если выживешь – останешься последним из клана!»

Выжить. Ему нужно выжить. Ведь никого не осталось...

Чувствуя себя потерянным детенышем, он оглянулся на мать. Вспомнились ее теплые ладони, улыбка... Из горла вырвался полный скорби вой, но усилием воли Зохан загнал воспоминания обратно. Внутри него, словно мощное дерево, выросло нечто, становясь его остовом, тем, что не давало упасть на землю и предаться отчаянию.

Он выживет.

Он – Смерть-с-ветки!

Постепенно в голове прояснилось, и Хан начал рассуждать разумно. Первое – он слишком слаб, чтобы, поддавшись чувству мести, броситься за теми, кто уничтожил его клан и покончить с ними, поэтому его задача – выжить. Второе – он не давал Дархану слова, но приказ главы клана – закон, и он его выполнит. И третье – Асаш сказал, что бешеные уничтожают и своих, и чужих. А значит – деревенька Руби под угрозой!

Зохан подобрал выпавший из руки Дархана охотничий нож, вытер лезвие о траву и вернулся к матери. Опустился на колени, коснулся губами ее волос. Когда встал – его глаза были

сухими, но горели едва ли не ярче, чем у зараженного бешенством Асаша. Он отправился на задний двор его дома, извлек мешок, табак в котором отбивал запах у лежащих в нем монет, пересыпал их в карман. В последний раз оглянулся на разгромленное стойбище и побежал прочь, в лес, к своему тайнику с припасами для побега. Собирая их, мог ли он предположить, что судьба так извратит его намерение жить самостоятельно? Познавать мир? Учиться новому?

Деньги исчезли в сшитом им кофре. Хан накинул лямки на плечи и перекинулся. Его лапы все еще были в крови, но, подавив присущее всем кошачьим желание чистоплотности, он помчался прочь.

Потом, все потом.

Ему нужно предупредить людей!

Убегая от места, в котором, оказывается, был счастлив, Зохан Рысяш чувствовал, что его сердце осталось там, среди сожженных домов и трупов родных и близких. Осталось навсегда.

* * *

Ванилла топнула ногой так, что затряслись картины с сельскими пейзажами, украшающие стены дворцовых покоев четы рю Дюемнон.

– Я не пойду! – воскликнула она. – Сколько раз можно повторять – на этой свадьбе меня не будет!

Сидящая на диване Бруни с тревогой взглянула на Пипа Селескина. Главный королевский повар в белом одеянии и поварском колпаке с вышитым на нем гербом Ласурии выглядел очень внушительно, а сейчас даже грозно. Разговор повторялся не в первый раз.

– Дочка, ну ведь Перси придет с семьей, – примирительно произнес Пип, – сделай и ты отцу радость!

– Нет, папа, и не проси... – Ванилла развернулась от окна, в которое старательно выглядывала, чтобы не смотреть на отца. – Пойми ты, я не могу... Ну не могу и все! Ты же любил маму, как ты можешь так поступать?

По толстым, гладко выбритым щекам Пипа поползли красные пятна. Будто чувствуя волнение деда, захныкал на руках у Дрюни, который сидел рядом с принцессой, маленький Людвин рю Дюемнон.

– Как – так? – ровным голосом спросил Пип.

Бруни торопливо протянула руку шуту. Тот помог ей подняться, но сам остался сидеть, укачивая младенца.

– Ванилька, времени прошло с тех пор много, – заговорила она. – Человеку по любому плохо одному, и каждый из нас ищет того, с кем не будет ощущаться одиночество. Я – нашла. Ты – нашла. И Пип нашел. Он достоин счастья не менее тебя или меня, понимаешь?

Ванилла снова отвернулась к окну.

– Я тебе платье закажу у Артазеля и оплачу его, – добавила Бруни, – соглашайся!

Подруга повернулась и прищурилась.

– И ты туда же, Твое Высочество? Вчера Перси приходила к «Старому Другу», все уши прожужжала об этой проклятой свадьбе и о своем наряде, сегодня папа, вот, ты... Вы стоворились, что ли?

– Любимая, так времени осталось всего ничего, – пропел Дрюня с дивана, подбрасывая Людвина и лоя его, – а такие праздники нужно планировать заранее. Разве мы плохо спланировали нашу свадьбу?

– Дрюня, речь не о нашей свадьбе! – отчеканила Ванилла. – Речь о том, что отец собирается связать жизнь с какой-то подколодной змеей и привести ее в нашу семью!

– Ну ты-то меня приве...

Дрюня не договорил.

– Не приходи даже если передумаешь! – рявкнул вдруг Пип так, что Людвин, который было успокоился, снова заплакал. – Я тебя видеть не желаю!

И он вылетел из комнаты со скоростью и силой пушечного ядра и хлопнул дверью. Одна из картин упала на пол.

Дрюня вскочил с дивана. Бруни впервые видела его сердитым, и это ее сильно удивило.

– Знаешь что, любовь моя, мы с Людвином пойдем на свадьбу, даже если тебя там не будет! – сообщил он. – Так-то!

И вышел из комнаты, видимо, намереваясь догнать Пипа. Крик Лягушонка еще какое-то время доносился из коридора, а потом затих.

У Ваниллы задрожали губы. Подойдя к ней, Бруни обняла подругу и заставила положить голову себе на плечо.

– Ну и чего ты добилась, дуреха? – глядя ее по спине, спросила принцесса. – И с отцом поругалась, и с мужем, и с сыном!

– А с Лягушонком-то почему? – всхлипнула та.

– Ну он же был недоволен? – невозмутимо ответила Бруни. – Пойдем, сядем, а то мне тяжело стоять, и поговорим по душам.

– Мы уже поговорили, – снова всхлипнула Ванилла, но послушно пошла с подругой и села рядом с ней.

– Давай я расскажу тебе историю об одном бравом парне, – сказала Бруни. – Жил да был в квартале Мастерových такой видный парень Пип: буйн, драчун и заводила. Девки за ним хвостом ходили, они таких любят. А он однажды увидел девушку из соседнего квартала. Она с родителями в Вишенрог переехала недавно и еще никого по соседству не знала. Пип увидел ее и пропал...

Ванилла перестала шмыгать носом и подняла голову.

– И как же звали эту девушку? – спросила она.

Бруни улыбнулась.

– Не догадалась еще? Ее звали Аглая.

Ванилла судорожно вздохнула и прижала руки к груди. Бруни знала, что она носит, не снимая, медальон с изображением матери.

– А дальше?

Принцесса порылась в поясной сумочке. Достала платочек с королевскими вензелями, протянула подруге и продолжила:

– А потом была свадьба. Самая шумная свадьба в квартале Мастерových, потому что на нее явились все друзья Пипа и все его бывшие подруги. Но он ни на одну из них не смотрел, он смотрел только на молодую жену. И смотрел на нее с таким же обожанием все годы, что они прожили вместе. На все воля Индари, Аглая ушла в самом расцвете лет, оставив Пипу двух обожаемых дочерей. «Женись, – в один голос твердили ему кумушки квартала, – пусть у девочек будет мать!» А он отвечал: «Ни за что не приведу девчонкам мачеху!» Его родная сестра, Хлоя, говорила ему: «У меня на примете есть хорошая женщина, добрая, работающая и детей любит. Давай, братец, я вас познакомлю?» А он сердился: «Не будет чужих в нашей семье!»

– А потом? – тихо спросила Ванилла, комкая платочек в ладони.

– А потом дочери выросли и повыходили замуж, – Бруни отняла платочек и вытерла мокрые щеки подруги.

– Откуда ты все это знаешь? – Ванилька забрала платок обратно и принялась с силой тереть опухшие глаза.

– Мама рассказывала, – улыбнулась принцесса. – Они даже ругались с Пипом по этому поводу. Он ей говорил: «Хлоя, ты хоть и моя работодательница, и любимая сестра, но в это дело не лезь! А то будешь искать себе нового повара!»

– Узнаю папеньку, – хихикнула Ванилла. – Хлоя – хорошее имя. Мне всегда нравилось. Жаль, что первым будет Редьярд.

– Ну, Редьярд всегда первый, – засмеялась Бруни и поднялась. – Мне пора идти. Прошу, помирись с ним. И все-таки подумай о своем присутствии на свадьбе. Пип делал для тебя гораздо больше!

Ванилла насупилась:

– Подумаю.

– Обещаешь? – не отставала принцесса.

– Обещаю, Твое Королевское Высочество, – пробурчала подруга.

* * *

Холодный предрассветный сумрак сегодня не потревожил Узаморского наместника. Сны герцогу не снились давно. Наверное, с тех самых пор, как Рейвин перестала принадлежать ему и начала принадлежать Ласурии. Но сегодня приснилось, что он, мальчишка еще, водит любимого жеребца князя Моринга по кличке Яростный вдоль берега незамерзающей речки Вьюшки, давая остынуть после скачки.

Яростный обладал всеми характерными чертами Узаморской породы лошадей: широкой грудью, мощным крупом и мохнатой шкурой, защищавшей его от жестоких морозов. Кроме того, он был подозрителен и обожал кусать зазевавшихся конюших. Атрона ему удалось уку- сить всего один раз, поскольку мальчишка оказался не менее подозрительным, чем он сам. Единожды оплошав – более слабину не допускал, был настороже, спиной не поворачивался. Пожалуй, Яростному он нравился – за крепкую руку, хозяйственную жилку и вот эту, очень близкую ему, подозрительность. Коню не было дела до весьма скромного титула потомка обед- невшего дворянского рода, до его небогатой одежки и отсутствия монеток в карманах его куртки. Честно говоря, морковка в этих самых карманах привлекала Яростного куда сильнее. Ведомый провожатым конь вышагивал важно, дышал глубоко, успокаивая ходящие ходуном после бега по лесной чащобе бока. На другом берегу реки, в отдалении, слышался детский смех и лепет. Яростный недовольно всхрапывал и косил глазом – ему хотелось заснеженной тишины, но смех приближался. Что-то очень похожее на меховой шар «катилось» без оста- новки к берегу, оканчивающемуся обрывом. Следом бежали три женщины в темных одеждах, причитая и протягивая руки, но маленькие ножки мехового шара были слишком быстры.

Атрон дернул повод, остановив коня, и тоже повернулся в ту сторону. И вдруг закричал смешным баском:

– Эй, малявка, а ну стой! Стой, не беги на кромку!

Из-под белого пушистого меха на него глянули неожиданно темные глубокие глазенки, полные озорства. Девчушка, укутанная в меха, не послушалась – ступила на обрыв, с интересом посмотрела вниз, на быстро бегущую, укутанную паром, воду. Под дружный крик ужаса нянек снег под ее ногами осел, и она полетела в реку.

– Вот Аркаешева дочь! – как взрослый выругался мальчишка, бросил повод и побежал к берегу, на ходу снимая куртку.

Яростный, хоть и подмывало смыться, чтобы заставить пацана побегать за собой до ночи, порысил следом.

Намокший мех шубки уже утащил девочку на дно. Ледяная вода ожгла кожу мальчишки так, что у него перехватило дыхание. Стиснув зубы, он нырнул, шаря руками в поднывающей со дна мути до тех пор, пока не нащупал полу одеяния. Поташил наверх, чувствуя, как сводит мышцы от холода. Вынырнул, глотнул воздуха, поволок утопленницу к низкому берегу, откуда прыгал. На воду упал повод... Яростный стоял у самой воды, делая вид, что он тут не при чем.

Бросив на него благодарный взгляд, мальчишка схватился одной рукой за повод, другой за девчонку, и гаркнул:

– Н-ну, пошел! Пошел!

Жеребец принялся осторожно отступать, вытаскивая его из реки. Наверху, на обрыве, в голос выли две няньки, а третья закричала:

– Парень, вези ее напрямик во дворец князя, не то замерзнет! А мы следом поспешим!

Атрон согласно кивнул. Стащил с девочки намокшую шубейку, подхватил со снега свою куртку, укутал худенькое тельце, перевалил через лошадиную спину, ловко оседлал коня. Духи Ветров свидетели – князь прикажет высечь за то, что сел на его любимца, ну да Индари с ним! Это если еще сам Яростный не сбросит! Но к удивлению всадника, конь стоял смиренно, а едва мальчишка сел, сжимая коленями его бока – всхрапнул и помчался к городским стенам.

От тряски из горла девчонки полилась вода. Она прокашлялась и заревела.

– Тихо, дура! – от холода голос у Атрона почти совсем пропал.

Он крепко держал спутницу, чтобы не сползла с лошадиной спины, и под его рукой она затихла. Несмотря на неудобное положение, повернула голову, облепленную темными, почти черными, волосами, и он снова поймал взгляд ее глаз. Испытующий, глубокий взгляд.

Яростный ворвался в открытые ворота, промчался по улицам и узким мостам. Процокав копытами по подъемному мосту, ведущему в древнюю резиденцию Морингов, стал как вкопанный во внутреннем дворе. К нему уже бежала стража.

Сильная рука стражника стащила мальчишку на землю, привычно поднялась – дать оплеуху негоднику, посмевавшему оседлать княжеского любимца.

– Нет! – вдруг хрипло произнесла девчонка и закашлялась, выплевывая остатки воды.

– Пресветлая! – ужаснулся стражник, скинул с плеч подбитый мехом плащ, завернул в него девчонку и помчался внутрь замка так, словно за ним гнались полярные волки.

– Эй, парень, иди-ка в караулку покамест, – позвал мальчишку второй стражник.

– Но конь... – осипшим голосом произнес тот. – Я за него отвечаю.

– Вон с конюшни бегут. Иди давай, а то околеешь!

У маленькой печурки, стоящей у стены караулки, мальчишку начала бить сильная дрожь. Он уже плохо соображал, что происходит – кто-то сунул ему в руки кружку с дымящимся напитком и резким запахом алкоголя, кто-то тряс его, раздевал, растирал ноги, уже потерявшие чувствительность...

– Где он? – послышался властный голос.

– Вот, мой господин!

– Перенесите его в княжеские покои! Целитель Гаркест уже там, осматривает княжну.

– С ней все в порядке?

– Слава Пресветлой и Духам Ветров – все! Испугалась только сильно.

– Как же так вышло, а?

– Кончайте разговорчики!

– Есть!

Атрона куда-то несли, а ему казалось, он парит по воздуху, а рядом летит большая белая птица, заглядывая ему в душу темными, полными озорного лукавства глазами...

...Его Светлость резко выдохнул и проснулся. Несколько минут бездумно смотрел в высокий потолок, укрепленный мощными балками, затем повернул голову. стакан с талой водой стоял на тумбе рядом с кроватью – Тиона, бывшая нянька Рейвин, которую он, став наместником, сделал своей экономкой, ставила его для герцога с ночи. Поскольку в покоях герцога топили только в самые лютые морозы, вода была ледяной, и глоток ожег горло, приводя Атрона в себя. Прошрое – отвратительная вещь! Оно приходит, когда не зовешь, и не уходит, если гонишь.

В круговорот привычных дел герцог окунулся с удовольствием. И пусть дел было бесчисленное количество, он знал, что заботится об Узаморе... Пожалуй, впервые о чем-то заботится в своей жизни! За прошедшее с начала своего правления время, рю Воронн перетряс все службы, закосневшие при прежнем князе. Набрал молодых и дерзких, отправил в отставку тех, кого служба интересовала лишь с точки зрения кошелька. Будучи опытным дипломатом, он помогал государствам в решении проблем, но нынче все решал сам, и это оказалось куда интереснее, чем быть посредником! Вступая в должность, Атрон беспокоился, что Его Величество Редьярд начнет закручивать гайки, однако этого не случилось. То ли король приглядывался к своему ставленнику в Северных землях, то ли ему было не до Узамора.

Секретаря герцог не держал. Он предпочитал общаться напрямую с главами служб. Для документов от каждой из них было отведено определенное место на его столе, что позволяло Атрону сразу видеть по количеству прошений, какое из ведомств нуждается в пристальном внимании.

С докладов от пограничников он начинал каждое утро. Хотел знать, кто въезжает на Северные земли, и с какой целью. Опытный глаз сразу выхватил знакомое имя, ожегшее яростным жаром: Ягорай!

Судя по документам, граф путешествовал с женой и охраной. Значит, женился все-таки, негодяй, на крейской девке, в которой только и было-то, что смазливое личико и протекция Ласурского архимагистра!

Путешественники направлялись в Рокунар. Атрон посмотрел на дату въезда. Похоже, они уже здесь! В столице.

Он сердито бросил бумагу в кипу просмотренных. Аркаеш с ними! Судя по докладу, долго не пробудут, поскольку направляются в Весеречье, на поклон святым местам. Жесткая улыбка тронула губы герцога – и Боги против их союза, раз не дают зачать дитя. Боги – они все видят!

Работая, он на какое-то время забыл о Ягорае...

Нет, не забыл!

Имя крутилось в голове, как заезженный музыкальный свиток, который уже и шипит, и скрипит, но исправно играет одну и ту же мелодию. Атрон знал, что увидев приемного сына, удержит себя в руках – за прошедшее время многое перегорело, и на прежней своей жизни он поставил жирный крест. Но... почему-то увидеть Яго хотелось.

Эта мысль отравила Его Светлости весь день. Он боролся с ней до наступления темноты, и сдался, когда закончил дела. Отказался от ужина, накинул легкий черный плащ, делавший его похожим на вора, и вышел в город. Конечно, он не станет искать сына в лабиринтах Рокунара, накрытого звездной ночью, он просто прогуляется...

Ноги сами понесли в центр, на площадь Вийеталлы-ветреницы, где каждый вечер горожане устраивали танцы и катания на ледяных горках. Эта площадь, наверное, была единственным более-менее просторным местом в столице Узамора. Сейчас оттуда раздавалась музыка, тянуло ароматами горячего морса на меду, маленьких северных яблок, запеченных в карамели и шоколаде, жареных колбасок и свежего мясного хлеба.

Народу было много, как и всегда. Рокунар являлся последним из крупных городов на Северном тракте и одним из основных торговых центров Ласурии.

Накинув капюшон и держась в тени стен, Атрон обходил площадь по кругу. Странное это было ощущение – смотреть на людей, которые и не подозревали о его присутствии, и знать, что все они зависят от него. Что их жизнь и благополучие – в его руках. Его Светлость на миг попытался представить, как ощущает себя король Ласурии, от которого зависит гораздо больше жизней на Тикрее, как вдруг увидел Яго... Уже потом он разглядел тех самых сестер-рубак, которые когда-то вынудили его отступить от жены, крейскую волшебницу с зелеными

глазами, горящими, как у кошки, ее скучного слугу с туповатым выражением лица и какого-то бледного молодого человека в шубе из шкуры гризли.

Герцог остановился. Сын стоял лицом к нему, хорошо освещенный светом магических фонарей, и держал в объятиях крейку. Под медленную музыку они двигались в толпе танцующих узаморцев, и было видно, что близость тел в танце доставляет обоим наслаждение.

Атрон не верил, когда ему говорили, что Яго похож на него, ведь у него была на это веская причина. Но в это самое мгновение он вдруг увидел сходство и... растерялся. Ягорай был чужим ребенком, сыном человека, отнявшего у него Рейвин. И хотя спустя столько лет Его Светлость знал, что выбор короны был и ее личным выбором, и почти смирился с этим, ненависть к Ласурскому королю продолжала разъедать сердце, как кислота. Но сейчас не в чертах лица он нашел сходство приемного сына с собой! Во взгляде, которым Ягорай смотрел на свою жену... Атрон также смотрел на Рейвин, с немым обожанием и бесконечной нежностью, с желанием защитить, но не сделать ничего лишнего, что могло бы ее обидеть, с восхищением и уважением.

Атрон оперся затылком о холодную стену дома, а затем вовсе отвернулся, тяжело дыша. Пресветлая, почему так больно? Он вычеркнул прежнюю семью из своей жизни! У него есть дело, ради которого стоит жить, дело, которое доставляет ему радость и занимает дни и ночи – величие Узамора! Так отчего же так больно?!

Несколько минут герцог провел в оцепенении, а когда отдышался, покинул площадь, променяв ее свет и музыку на темноту и тишину окраинных улиц. Снега здесь лежало не в пример больше. Мелькнула мысль: «Пора направить сюда магистратских магов, растопить сугробы».

Взгляд Его Светлости зацепился за темный комочек в снегу, наверное, кто-то из детей потерял варежку. Он наклонился: замерзший комок оказался котенком со слипшейся шерстью и закрытыми глазами. Решив, что зверек мертвый, герцог равнодушно распрямился, но котенок вдруг приоткрыл маленькую пасть и беззвучно мяукнул. Атрону вспомнились люди на площади, чьи жизни были у него в руках, но сейчас в ладони просилась смерть, маленькая и милосердная, хватала за полу плаща... Атрон протянул руку – свернуть зверьку шею, избавив от мучений...

«В эту самую минуту Боги смотрят на тебя сверху, Атрон рю Воронн, и раздумывают, раздавить ли тебя, как ничтожную букашку, или дать шанс?» – шепнул внутренний голос. От такой дикой мысли Его Светлости неожиданно стало смешно. Запрокинув лицо в темное небо, герцог засмеялся, а затем резко оборвал смех. Наклонился, поднял шерстяной комочек, сунул за пазуху.

У искорки кошачьей жизни, угасающей на широкой ладони Узамора, больше никого не было. Как и у самого герцога.

* * *

Погранец, толкнувший ворота и выпустивший «призраков» в Весеречье, был облачен в зимнюю форму белого цвета. И неудивительно. Чем дальше путешественники удалялись от Ласурии, тем больше снега лежало вдоль дорог и на ветвях деревьев.

В Рокунаре, столице Узамора, в которой пришлось задержаться на недолгое время, чтобы пополнить запасы провианта, снег уже всюду оккупировал крыши домов и улицы. Сугробы в человеческий рост высотой возвышались под стенами домов, и дети с визгом съезжали по ним, вылезая прямо из окон. Из всех «призраков» в столице Северного княжества доводилось бывать, как выяснилось, Яго, Дикраю и Грою, поэтому остальные с удовольствием посвятили свободное время ее изучению. И сошлись во мнении, что Рокунар им не нравится. Рубак не устроил традиционный простор в жилых помещениях, Альперта и Вителью – постоянный холод везде, и на улице, и в домах, Таришу – теснота, с которой были возведены здания, а

Дробуша – ширина городских улиц. «Троль не пройдет!» – возмутился он, и был прав. Когда столица осталась позади, потянулся однообразный пейзаж – снежные заносы, белая утоптанная дорога, перелески, заваленные снегом по самые древесные кроны. К Весеречью знаменитый Узаморский лес редел, сменяясь пустынными пространствами, с кое-где торчащими скалами.

Дробуш, сидевший на козлах кареты, приподнялся и обернулся, провожая взглядом удаляющуюся границу Ласурии. Скажи ему кто тогда, когда он был прикован к мосту заклятьем Богов, что ему суждено увидеть другие страны, он бы проглотил такого выдумщика, не жуя!

Тигрица и барс носились вдоль дороги, взметывая снег – дурачились. Грой, который устроился рядом с Вырвиглодом, смотрел на них снисходительно, как смотрят взрослые на шалости детей. В карете кутался в меховую шубу, купленную в Рокунаре, Альперт Попус. Несмотря на разрешенный волшебникам самоподогрев, оказавшись на севере, маг начал нещадно мерзнуть. Сообща с Витой они решили, что проблема носит психологический характер, и может быть решена при помощи стороннего инструмента утепления. Шубу из шкуры гризли увидел Дробуш во время прогулки по Узаморской ярмарке, и указал на нее Вителье. Волшебница «сторонний инструмент утепления» одобрила, и Попус с тех пор с шубой не расставался.

– Это первая шуба в моей жизни, – смущенно улыбаясь, признался он. – Такое не забывается!

Карета подпрыгивала на снежных торосах, но рю Воронн крепко спал. Вита знала, что он способен уснуть где угодно и когда угодно, и так же мгновенно проснуться. Положив голову ему на плечо, она задумчиво рисовала в дорожном блокноте один круг внутри другого. Мысли о пророчестве ведьмы не шли у нее из головы. Оказавшись в Рокунаре, она вместе с Дробушем и Алем посетила городские библиотеки, но не нашла ничего о малом солнце, стоящем в центре большого. Возможно, фраза имела иной, скрытый смысл, и тогда могла обозначать, что угодно!

– Ты все думаешь о том, что сказала старуха? – негромко, чтобы не разбудить Яго, спросил Альперт.

Вителья кивнула.

– Знаешь, я тоже об этом думаю, – признался маг. – Это все так интересно... Ее Могушество права – бумажки в Департаменте перебирать скучно, хотя мне нравилось.

Вителья понимающе улыбнулась и спросила:

– У тебя есть какие-нибудь идеи насчет пророчества?

– С первого взгляда оно похоже на набор слов, – виновато улыбнулся Альперт. – Но если перестать думать о том, что же они на самом деле обозначают, многое становится понятным.

– Да? – послышался недоверчивый голос снаружи.

В окно кареты заглядывала Торусилья, ехавшая верхом.

– Да, – кивнул Попус. – Давайте не будем разбирать его сначала, а возьмем то, что наиболее ясно.

– И что тебе ясно? – вздохнула Вителья. – Я уже всю голову сломала, Богами клянусь!

– Ведьма сказала о Ягорае: «Ты для нее – чужеземец, захватчик из другой страны!» А если это не иносказание? Граф – ласурец. Давайте вспомним, для каких стран Ласурия была захватчиком?

– Формально – Узамор добровольно примкнул к Ласурии, – не открывая глаз, сообщил Яго. – Фактически – Ласурия заставила его это сделать, введя войска четыреста лет назад, после нашествия одержимых...

Альперт испуганно посмотрел на него, а Вита засмеялась и поцеловала рю Воронна куда дотянулась – в подбородок.

– Драгобужье отпадает, – сообщила из другого окна Руф, – Ласурия и гномы официально никогда не воевали, хотя стычки на границе случались.

– Крей – без комментариев, – прогудел Дробуш сверху.

В окно, сдвинув занавеску, ввинтилось гибкое тело Вироша. Оборотень ловко прыгнул на сиденье рядом с Альпертом и заявил:

– Давайте не будем забывать о Весеречье, в котором мы сейчас находимся!

– Дык мы о нем никогда не забываем, ведь мы именно здесь получили звание рубак, – хохотнула Тори.

– Итого подведем итоги, – продолжил Грой, – место, где видно два солнца, может располагаться в Узаморе, Крее и Весеречье! В Узаморе мы ничего такого не видели...

– И не искали, – проворчал невидимый Дробуш.

– Оказаться в Крее в ближайшее время нам не светит, – не обратив на него внимания, сказал оборотень, – значит, сосредоточимся на Весеречье. Послушаем местные мифы и сказания, посетим библиотеки – нам все равно искать могильник... Навестим то место, ради которого наши молодожены отправились в это путешествие.

– Могилу последней королевы Весеречья? – уточнила Вителья. – А кстати, как ее звали? Я всегда увлекалась историей Тикрея, но эта часть как-то прошла мимо меня.

– У нас в университете Весеречью тоже было уделено меньше трети урока, – подтвердил Альперт, – видимо, страна настолько неинтересная, что и говорить не о чем!

– Маленькая она, но гордая, – сообщила Руф, – мы с сеструхой тут учились на рубак, когда покинули Синие горы. Весеречье до сих пор не признает протекторат Ласурии, хотя Ласурия считает иначе. Да и сброда тут всякого полно – беглые преступники, фанатики, сумасшедшие.

– Чудесное место для тренировок рубак, – хмыкнула Тори.

Ягорай открыл глаза и с задумчивым видом засмотрелся в окно. Выражение лица у него было недовольным.

– Что с тобой? – тут же среагировала Вита.

– Я же помнил, как ее звали... – пробормотал рю Воронн.

– Кого? – не понял Альперт.

– Последнюю королеву Весеречья. Ту, чьей могиле мы, по нашей легенде, должны поклониться, – поморщился Яго и зажмурился, заставляя себя вспоминать. – Пресвятые тапочки, ну надо же...

Выражение лица Вироша изменилось. Изменилось так, что Вителья пристально посмотрела на оборотня. Его желтые глаза напомнили ей две безжалостные луны, в свете которых и полночи не удалось бы ничего скрыть.

– Так как же ее звали? – взмолилась из окна младшая рубака. – Может, кто-то из вас вспомнит, умники?

Ягорай рю Воронн открыл глаза и торжествующе воскликнул:

– Эстель! Ее звали Эстель!

* * *

Уже приближаясь к человеческому жилью, Хан вновь ощутил тот самый отвратительно-меняющий аромат безумия. Несколько бешеных, почуяв запах людей, решили вернуться. Пока они были далеко, однако быстро приближались, гонимые болезненной жадой разрушения.

Он обернулся, едва ступил за околицу Зыбин, и ворвался в первый же попавшийся дом. Завизжала женщина, возившаяся у печки. Не обращая на нее внимания, Хан нашел склянку с лампадным маслом, выхватил из печи горящее полено и закричал хозяйке:

– Беги на площадь! Предупреди, сюда идут оборотни! Они хотят вас убить! Пусть поджигают заборы!

Долго было объяснять, что это оборотни не его клана, а огонь не даст бешеным подойти ближе, пока люди поборют панику и организуют оборону... Пусть думают, мол, Смерти-с-ветки на что-то ополчились на своих человеческих соседей!

Женщина с криком бросилась прочь. Хан выскочил за ней, плеснул масло на забор, поджег. Когда-то давно Дархан рассказывал маленьким оборотням про бешеных, как делал глава любого клана. Из того рассказа Зохан запомнил, что зараженные боятся огня и воды – такое вот странное сочетание.

Мощный удар сбил его с ног. Резкая боль прошила спину – напомнили о себе старые раны. Хан вскочил, обернулся. Перед ним стоял красивый дюжий парень, потирая костяшки пальцев, отбитые об твердую, будто железную, хребтину оборотня.

– А ну-ка, пошел отсюда! – рявкнул он. Прищурился, оглядел Зохана. – А ведь я тебя знаю! Ты – бывший дружок моей Рубинки!

Хан стиснул зубы, заставляя унять ярость, бурлившую в крови. И сказал – отдельно, четко, холодно:

– Торн Степин, так тебя зовут? Отведи меня к своему отцу, Торн! Сюда идут оборотни. Они хотят вас убить. Нужно поджигать заборы!

– Да ты сбрендил! – усмехнулся парень и пошел на него. – Вот я тебе мозги сейчас-то вышибу!

Словно в ответ на его слова, из леса раздался многоголосый вой.

Кровь схлынула с лица Торна. Он развернулся и побежал прочь, вопя во всю глотку:

– К оружию, к оружию! Оборотни!

А Зохан повел носом, разыскивая в куче запахов, самым главным среди которых становился страх, знакомый аромат. Рубина была где-то там, на площади. И он помчался следом за Торном, тоже крича: «К оружию! Пожар! На помощь!»

В центре деревни спугнутой птичьей стаей кружился человеческий табор. Мелькали цветастые платки на плечах женщин, сверкали клинки в руках мужчин. Крик, плач, вой. Паника.

Могутный деревенский голова, стоя на крыльце и размахивая булавой, призывал всех успокоиться, женщин и детей – укрыться в домах, мужчин – дать захватчикам отпор. Его голос звучал спокойно и уверенно, но Хан уже чувствовал беду. Там, в родном стойбище, напившись духом смерти, он научился понимать, когда она не собирается шутить. Жители Зыбин были обречены так же, как и Смерти-с-ветки.

Бешеных оказалось четверо. Двое тигров, медведь и волк. Выйдя на открытое пространство, они разошлись, беря деревеньку в кольцо. Спрятавшись под телегой с мешками муки, Хан чуял их передвижения, но продолжал отчаянно искать аромат Руби, который появлялся то тут, то там, и, наконец, начал удаляться по направлению к ее дому. Тогда он выскочил из-под телеги, едва не угодил под чей-то клинок, поднырнул под него и бросился за девушкой. Перемахнул забор, становясь рысью, помчался вдоль улицы, с легкостью перепрыгивая околицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.